

Сергей Бондарев

Герои
не боятся
крови

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Бондарев

Герои не боятся крови

<https://litres.ru/73999621>

SelfPub; 2026

Аннотация

2002 год, город Кубанск. Александр Солодин готовится к эмиграции в Новую Зеландию с любимой девушкой Анной, беженкой из Бишкека. Гибель Сергея, старшего брата Александра, разрушает их планы. Александр вынужден провести собственное расследование, крайне агрессивное и жестокое. Временно утратив связь с собственным «Я», он психологически смещается в иную реальность, подчиненную аномальной логике. Убийство Сергея - это лишь миг в грандиозной цепной реакции, где вместо атомов участвуют миллионы людей. Там, в едином эволюционном потоке, пламенные строители коммунизма перекликаются с исламскими террористами. Романтические «шестидесятники» созвучны современным сектантам. Выясняя обстоятельства смерти брата, Александр основательно трансформируется. Его новая личность не знает, как вернуться в прежнюю жизнь. Вначале он должен разобраться в природе той силы, которая управляет потоком событий. Куда несется поток? И главное: какова роль самого Александра, его миссия, в этом фатальном процессе?

Содержание

Заголовок	4
Глава 1.	5
Глава 2.	26
Глава 3.	40
Глава 4.	58
Глава 5.	76
Глава 6.	103
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Сергей Бондарев

Герои не боятся крови

Заголовок

*Слабую фигуру приносят в жертву, чтоб
усилить фигуру выигрывающую.
(принцип шахматного размена)*

Сюжет и персонажи данного произведения выдуманы. Автор не виноват, если они кого-то там напоминают или с чем-то там совпадают.

Глава 1.

Раннее утро шестнадцатого декабря две тысячи второго года.

Я проснулся с неприятной мыслью о старшем брате. Это был отголосок кошмарного сновидения – с крысами, пауками и прочей нечистью, заполонившей нашу с Аннушкой съемную квартиру. Мысль сводилась к тому, что «наш несчастенький Сереженька» скоро объявится. Привычно страдая от ломок, вновь начнет донимать родителей.

Мысль прогорела, пепел остался. Приоткрыв глаза, я на абстрактных узорах штор, подсвеченных снаружи блеклым рассветом, рассмотрел унылый профиль Сергея. Шторы от легкого сквозняка качнулись. Физиономия брата раздулась и раскололась надвое. «Ничтожество», - с отвращением подумал я.

Анна, существо с отточенной чуткостью, тревожно двинулась. Ее прохладная ладонь легла на мой подбородок. Осторожно, словно имея дело с ожогами, она кончиками пальцев провела по моим губам.

- Дурной сон? - шепотом спросила Анна.

- Нет, наоборот.

- Тогда выкладывай. Обожаю толковать хорошие сны.

Пришлось импровизировать, выдумывая «приятное» сновидение.

- Я шел по берегу, обрывая с деревьев белые цветы...

- Белые, - эхом отозвалась Анна.

- Да, точно, цветы акации. Я нюхал их и бросал в реку.

- Вода чистая?

- Да, изумительной прозрачности. Я видел на дне зеленые растения, коричневые коряги. Там было... много разноцветных рыб, да, очень много. Потом что-то блеснуло. Я разделся, вошел в реку...

- Догола разделся? - всерьез испугалась Анна.

- Ну, трусы остались.

- Тогда не страшно! Хуже нет, когда человек видит себя во сне голым.

- К болезни?

- Нет, нагота обозначает разлом между сознанием и теневыми структурами психики. Но раз трусы остались, значит, нет никакого разлома. Ты, точно, не псих! Рассказывай, любимый, что там блеснуло в воде?

Улыбаясь, я перечислил вещи, якобы вынутые мной из сновидческой воды: золотые кольца, цепи, янтарная шкатулка.

- И что лежало в шкатулке?

- Увы, шкатулку я не успел открыть.

- Там были ключи, - уверенно заявила Анна. Она уткнулась губами в мое плечо. Каждую фразу она чередовала с поцелуем. - Ключи от гостиницы. На океанском побережье. Я вчера в интернете такой классный вариант высмотрела: за

сотню тысяч долларов – двухэтажный дом в ста пятидесяти метрах от береговой линии. Это на Северном острове, недалеко от города Фангареи. Ты знаешь, я только вчера узнала, что в Новой Зеландии нет комаров.

- Нет комаров?

- Серьезно. Ни одного кровососущего насекомого, ни одного ядовитого животного. Можно нагишом спать в траве.

- Осталось добыть сотню тысяч долларов. Плюс пятьдесят на переезд и прочие расходы.

- Ну, если за каждый рейс дядя Аскер будет платить пять тысяч, то, примерно, через год у нас будет больше сотни?

- Гораздо раньше, любимая. Надо уехать до того, как появится ребенок. Там будем рожать. Тогда мы автоматически получим вид на жительство в качестве родителей новозеландца. Правильно я понимаю? Я ведь могу продать машину, занять у Булыги, у Ледовского. Да я все сделаю, чтоб раньше отсюда сдернуть.

- Вначале купи фургон, - прошептала Анна.

- Да, я помню. Сегодня этим и займусь.

- Ты уверен, не сомневаешься? Мы ведь в теневой бизнес идем. Многочасовые переезды, большие суммы денег, общение с полукриминальными типами. Надо будет взятки давать милиционерам. Это ведь все рискованно.

- Не так уж и рискованно, когда имеешь хорошие связи и влиятельных друзей.

- Слушай, может, я за это тебя и полюбила?

- Ах, негодная!..

Мы затеяли шуточную борьбу. Я нападаю, Анна с хохотом оборонялась. В конце концов я ее пленил: лежа на боку, держал в ладонях над головой ее руки, правым коленом прижимал к себе податливые бедра. Наши губы соединились. Поцелуй затягивался, становясь все более жадным и ненасытным. Призрак ничтожного брата окончательно улетучился.

Затем была игра в тематике русской былины. Анна предложила мне побыть Ильей Муромцем. Богатырь только что слез с печи. Анна скороговоркой изложила собственную версию явления героя: Илюшу на ноги поставил не старик-скиталец, а прекрасная возлюбленная.

- Такая, как я! - Анна, поднявшись во весь рост, превратила кровать в подиум. - Девушка сказала Илюше: «Встань и догони!».

Спрыгнув на пол, Анна с визгом умчалась в ванную. Я полз за ней на четвереньках, гулко стуча ладонями и коленями в паркетный пол.

- Илюша должен помыться. Представляешь, как пах Илюша после тридцатитрехлетней лежки?

Анна приказала сесть в ванну, включила душ. В настенном зеркале, жмурясь, я видел сквозь струи ее профиль: короткие темные волосы, вьющиеся на концах, высокие скулы, острый подбородок, нос с наметившейся горбинкой.

На завтрак богатырю подали чашку кофе, два яйца и бутерброд с черной икрой. Анна, накинув на плечи халат, сто-

яла у окна. С высоты семнадцатого этажа город девушке не нравился. Она смотрела вниз, озабоченно щурясь, словно наблюдала лабораторный опыт, одинаково опасный и для участников, и для самих экспериментаторов.

- Так бестолково суется животные перед землетрясением, или крысы на корабле, чуя надвигающийся шторм, - задумчиво рассуждала Анна. – Сознательно перестроиться человечество уже не может, все моменты упущены. Катимся под горку, набирая скорость. Удар, катастрофа, а далее - как повезет. Динозаврам, как мы знаем, не повезло. Ты что думаешь по этому поводу?

- А Муромец не думает, он действует! – весело отвечал богатырь. – Ему фургон поручили найти.

Рамки игры затрещали, стоило нам перейти в прихожую. Я надел пиджак, куртку. Я ладонью взъерошил перед зеркалом свои жесткие, коротко остриженные волосы. Безрезультатно попытался выпрямить пальцем правую бровь, исковерканную армейским шрамом. Анна стояла сбоку и что-то говорила про Соловья-разбойника, символизирующего, как ей казалось, разрушительное действие лжи из телевизора и интернета. Современные богатыри не погибали, они теряли разум...

- Аннушка, - тихо позвал я.

Вышло так, что я окликнул ее отражение. Наши с ней отражения тут же внимательно посмотрели на нас. Я вдруг подумал, что там, в зазеркалье, мы были с Аннушкой лишь бес-

помощными фантомами, зависимыми от наличия или отсутствия солнечного света. Но и здесь, в реальности, наше существование лишь допускалось и управлялось неподвластными нам обстоятельствами. В любой миг мы могли исчезнуть, дематериализоваться. Вероятно, нечто подобное почувствовала и Аннушка. Ее лицо – уже без улыбки – встревожено вытянулось как на вокзале перед прощанием.

- Милый!

- Любимая!

Я резко отвернулся от зеркала. Анна порывисто прижалась ко мне. Меня захлестнула ответная нежность. Я водил сухими губами по ее лицу.

- Наш будущий ребенок... - шептала Анна. - Мы увезем его отсюда! Уедем в самое безопасное место на планете!

- Да-да, любимая. Мы сделаем это!

- Все, иди, иначе я заплачу.

В машине, прогревая мотор, я включил радио, чтоб послушать новости. ФСБ доложило стране о результатах своей деятельности: кого-то замочили, кого-то арестовали, что-то изъяли и перекрыли. Про теракт на Дубровке – ничего нового. В Кодорском ущелье продолжали долбить ледник, надеясь отыскать тело Сергея Бодрова. Сгущались американские тучи над Ираком. В Нидерландах разрешили регистрировать однополые браки.

Я переключился на местные новости и сразу попал на интересную для меня информацию. Диктор перечислял име-

на кандидатов на предстоящих досрочных выборах мэра Кубанска. По предварительным рейтингам лидировал Виктор Малько, выдвигенец столичной бюрократии, сторонник действующего губернатора края. За ним, с минимальным отрывом, следовал коммунист Иван Крушилин, лидер местной элиты. Независимый политик Федор Булыга по-прежнему твердо удерживал третье место. Все происходило так, как и было изначально задумано приезжим кремлевским политтехнологом. Выключив новости, я сделал первый телефонный звонок.

- Алло, здравствуйте. Я по поводу фургона, объявление в интернете. Продаете? Хотелось бы посмотреть. Если я через пару часиков подъеду? Можно, да? Тогда диктуйте адрес.

План Анны меня несколько не смущал. Фармацевтический «контрофак», производимый толи в Индии, толи в Пакистане, затем маркируемый в Нальчике дядей Аскером, вредил не больше, чем оригиналы легальной фармацевтики. Витамины, пищевые добавки, стимуляторы, антидепрессанты – все эти препараты здоровья не улучшали, а лишь подстегивали его, удерживая на дистанции, точно загнанных лошадей. Возможно, что как раз «контрофак», часто вызывающий диарею, мог вовремя остановить и спасти человека, скачущего к цели на пределе всех своих возможностей. Как шуточно выразилась Анна, лучше позорно обделаться на старте, чем величественно издохнуть на финише.

Были, конечно, риски, но вполне предсказуемые и ней-

трализуемые. Дядя Аскер гарантировал беспрепятственный путь через Кабарду и Черкесию. Проезд по дорогам Кубани обещал подстраховать мой бывший одноклассник Гарик, чьим сутенерским элитным гаремом пользовались высокопоставленные чиновники. В качестве напарника я намеревался привлечь к делу еще одного одноклассника, Валеру Краснюка, штатного охранника нашей фирмы, имевшего право на ношение огнестрельного оружия. В крайнем случае, я мог напрямую обратиться за помощью к своим всемогущим боссам.

Я забивал в телефон адрес продавца фургона, когда в окно грубо постучались. Мусорщик в желтой робе наклонился так низко, что его курчавая борода прилипла к стеклу. Узором расплзся отпечаток горячего дыхания.

- Эй, ты! – хрипло выкрикнул мусорщик. - Мы тут проехать не можем, нам надо ящики опорожнить. Полчаса сигналили. Мог бы выйти, е-мое!

Он был сравнительно молод, хоть и зарос бородой. Скорее всего, он развел на лице растительность, чтоб прятать в ней социальные обиды и последствия ночных попоек. Парень лопатой ворочал дерьмо, производимое равнодушным обществом. По сути, он находился в выгребной яме, куда его загнала нужда, и там он отчаянно барахтался, надеясь однажды выбраться и отмыться.

«Беспросветно тупой мусорщик, - думал я, проезжая мимо желтых фигур с лопатами. – Твоя надежда быстро иссяк-

нет. Ты поймешь, что выгребные ямы – естественная среда твоего обитания. Как следствие - ты избавишься от обид: ведь навозный жук не рефлексирует по поводу своего положения в экосистеме. Ты сбреешь бороду, завяжешь с бухлом, заведешь постоянную самку, чтоб вместе с ней плодить будущих мусорщиков...»

«А вы, пассажиры общественного транспорта, среднестатистические граждане с месячным доходом в три ящика водки, - куда вы едете в своих мечтах? - вопрошал я, вплотную приткнувшись к задку троллейбуса (в запотевшем экране окна смутно маячили неподвижные головы кубанцев). – Пенсионеры и домохозяйки, студенты и мелкие служащие. Верите, что жизнь когда-нибудь наладится? Надеетесь на нынешнюю власть? В ваших мечтах дешевеют товары, снижаются налоги, пособия и беспроцентные кредиты сыплются как манна небесная. Эй, пора просыпаться! Вы никуда не едите, вы безнадежно торчите на обочине прогресса! Вы не нужны власти, потому что вы – дармоеды. Вас давно заменили газовыми и нефтяными трубами. Вам отстегивают мизерную долю лишь для того, чтоб вы заткнулись. И еще одна новость, пугающая своей парадоксальностью: а власти в стране то и нет! Есть ее имитация, осуществляемая ловкими проходимцами и стяжателями...»

Обгоняя старый неуклюжий троллейбус, я вспомнил отца и давний наш разговор в его кабинете. Юрий Солодин стучал пальцем в корешки книг, написанных великими гума-

нистами, и уныло призывал младшего сына к добрым деяниям. «Ты должен стать мягче, Саша. Научись прощать людям их слабости. В первую очередь, ты принесешь пользу себе, открыв в душе кладезь положительных чувств...» Естественно, отец намекал на мое отношение к брату, которое казалось ему неоправданно равнодушным. Я ответил шуткой, что кладезь, мол, густо заплеван, в него пару раз помочились и сбросили кучу мусора. «Протух кладезь», - с улыбкой посоветовал я. Кажется, я сильно его расстроил. Лицо Юрия Солодина обрело гримасу, в которой без труда читался вопрос: «В кого ж ты таким уродился, сыночек?» «Слава богу, не в тебя», - едва не сорвалось у меня тогда с языка.

Действительно, теперь я понимал (спасибо Аннушке), насколько сильно отца изувечил его натужный гуманизм. Потомственный казак – предположительно, воин и победитель, - Юрий Солодин жизненную энергию тратил на то, чтоб вновь и вновь перевоплощаться в овцу. Веря античным и восточным философам, он подчинился судьбе. Беспольный плотник из Назарета научил его подставлять щеки. Классическая литература внушила сострадание к выродкам и недотепам. Отец не желал замечать, что территория – им не завоеванная, задешево его прикормившая – все больше напоминала гигантскую бактерию. Людей стало так много, что их пришлось спрессовать и довести до состояния кипящей плазмы. Эволюционные силы, некогда вдохновлявшие на тесное единение, добивались от жителей мегаполиса совершенно проти-

воположного. Традиционная любовь к ближним повсеместно замещалась постмодернистским желанием послать всех на хер.

Один из «ближних» ожидаемо напомнил о себе телефонным звонком.

- Эй, Санек, – трубный голос Булыги звучал весело, - ты где? Почему на сходку не явился? Мы тут важный вопрос обсуждаем, куда и какой еще баннер с моей рожей - га-га! - воткнуть. Подъезжай скорей.

- Федор Андреевич, вы извините. Но я... хотел бы сегодня отпроситься. По личному делу.

- По личному делу? Да ты че! - Булыга понимающе расхохотался. – Загулял, сынок? Ну, и как телка?

- Она не телка, Федор Андреевич. У меня тут, по ходу, все серьезно.

- Да ладно! – удивился Булыга. – Не рано, Санек? В твои-то двадцать три! Еще столько можно накуролесить!

- Нет, что-то уже не тянет куролесить.

- Сынок, да ты никак влюблен?

- Похоже на то.

- Так, может, свадьбу замутим?

- Можно подумать...

Сходкой назывались утренние собрания в кабинете Булыги. Мой шеф специально освоил уголовный лексикон, чтоб выглядеть хищником в криминальных разборках. Три года назад, принимая демобилизованного сержанта Солодина в

охрану, он искренне пожаловался на «волчью долю бизнесмена». «Я ж, сынок, спать разучился. В девяностые меня два раза грохнуть пытались, сына едва не украли. Жил, как на войне». В свои пятьдесят с небольшим Булыга имел тучу болячек, не поддающихся лечению: избыточный вес, диабет, гипертония, хронический гастрит, геморрой. Полгода назад, в начале лета, он был близок к инфаркту, неделю лежал на капельницах, когда федералы устроили в Кубанске невиданный переполох: арестовали мэра, двух его замов и смотрящего за краем вора в законе Колю Журмана. Попутно, для большего устрашения, «варяги» замели нескольких чиновников из разных ведомств и пару десятков местных бизнесменов. Фирму «Порядок» не тронули, но предложили «жизнь по новым правилам» и на стороне «правильных людей».

«Несчастливые толстосумы, - думал я, двигаясь по Центральной мимо госучреждений и фирменных офисов. – Разными способами вы сколачиваете свои состоянья, потом пытаетесь их втиснуть в экономику, страдающую хроническим недопомоганием. Большею частью вы воруете, пилите бюджет и спекулируете, обдирая паршивых соотечественников. Сообща вы скирдуете избыточный капитал, наполняя им закрома подставных банков. Они подставные в том смысле, что настоящие их хозяева находятся не здесь, не в этой второсортной стране. Где-то в Лондоне или в Нью-Йорке они спокойненько ждут, когда ваша жертвенная корова наберет достаточный вес. Однажды ее уведут на заклание простым

щелчком компьютерной мышки (схема называется – «кризис»). И вы опять – в который раз! – останетесь в дураках. Объявив себя правящим классом, вы вновь и вновь правите к собственному разорению, обогащая при этом чужие народы. Вы не отцы нации, вы – ее худшая часть, сравнимая с глистами!»

- Анна, Аннушка! – восторженно повторял я, колеся по сырым декабрьским улицам.

Подумать только, три года назад я, тогдашний Саня Солодин всерьез мечтал о покупке черного «Мерседеса». Внешне, то есть для внешнего мира, ничего страшного не было в том, что двадцатилетний человек, демобилизовавшись из армии, хотел ездить на дорогой машине, шуршать крупными купюрами и укладывать под себя как можно больше девчонок. Внешний мир полагал, что годам к тридцати, заездив нескольких дорогих коней и устав от беспорядочного секса, человек как-то вдруг поумнеет. Он заведет собственное дело или возглавит чужое, женится на порядочной девушке, построит дом, родит детей. И бог с ними, с этими миллиардами нейронов, которыми природа для чего-то напичкала человека! Все эти аксоны и дендриты, синапсы и медиаторы – тьфу, гадость какая! – умели, в конце концов, за ненадобностью отмирать. Человек потому и умнел к тридцати годам, что именно с этого возраста начиналось активное отмирание (за ненадобностью) его мозговых тканей.

«Кем же я был, пока не встретил Анну? – размышлял я,

проезжая по дугообразному мосту. - Кем стал, научившись осознавать вещи, непостижимые для большинства землян? Вот я еду по мосту, бросаю взгляд вправо. Там, на окраине города, - район новостройки. Огромные кубы и параллелепипеды теснятся на клочке земли. В доли секунды я успеваю осознать, что новостройка возникла самостоятельно. Города, дороги, плотины, электростанции, пахотные поля - все рождается самостоятельно. Повсюду, по всей Вселенной, из небытия выпадают относительно мыслящие твари, чтоб что-то там построить и тут же ухнуть обратно в небытие. И я, благодаря Аннушке, в долю секунды могу прочувствовать эти грандиозные события!..»

Повторная волна нежности захлестнула меня. Я затормозил, я съехал на обочину. Заглушив мотор и откинувшись на сиденье, я нюхал пальцы, вобравшие запах Анны. Да, Саша Солодин был неизмеримо мал в масштабах космических процессов. Но в чувстве любви неизмеримо малые твари как-то чудесным образом могли охватить, вобрать...

Я не успел домыслить образ безразмерной твари. Впереди, мигнув тормозными фонарями, остановилась белая «десятка» с синей полосой и мигалками. С обеих ее сторон разом распахнулись дверцы. Двое мужчин в пятнистых маскировочных куртках ловко выскочили из нее и стремительно двинулись к моему «Мерседесу». Они пересекли трепетную пелену пара, сочившегося из невидимых щелей на обочине. Я нажал кнопку стеклоподъемника и повернулся, чтоб взять

с заднего сиденья сумку с документами.

- Сидеть, мать твою, не двигаться!

Я удивленно выпрямился. Мне в лицо смотрело дуло пистолета.

- Руки за голову! Руки за голову, я сказал! Колян, проверь его.

У низкорослого, кряжистого Коляна было квадратное лицо с рыжими нависшими бровями. В глубоких глазницах ярко мерцали прозрачные волчьи глаза. Запекшиеся точки крови на квадратных боксерских скулах – следы неряшливого бритья - свидетельствовали, что Колян к боли был равнодушен. Возможно, что столь же равнодушно относился Колян и к чужой боли. Открыв дверцу, он стал активно и зло ощупывать меня. Колян громко сопел. От Коляна несло скверным одеколоном.

- Не понял. В чем дело?

- Молчать, гамадрил! Ты че такой здоровый? Качаешься, бля?

- Хватит меня лапать!

- Молчать, я сказал! А ну-ка, цыпочка, привстать, покажи дяде, что ты прячешь под задницей! Все чисто, Толян.

- Машину осмотри.

Колян полез по всем ящичкам. Колян открыл сумку и осмотрел документы. Колян заглядывал под сиденья и поднимал коврики. Затем он приказал открыть багажник.

- Е-мое, Толян, да у него здесь охеренная гантель, слонов

глушить можно. Точно, этот гамадрил кого-то ею грохнуть собрался.

Пистолет опустился на уровень моей груди. Высокий, пропорционально сложенный Толян оказался усовершенствованной копией своего напарника. Его квадратное, с черными нависшими бровями лицо выражало нечто большее, чем просто готовность к смертельной схватке. Толян сообщал.

- Для чего в машине гантель?

- На работу везу. Работа у меня сидячая, весь день в кабинете, вот и разминаюсь.

- А почему остановился здесь?

- Отдыхаю.

- На мосту отдыхаешь?

- Я переехал мост. В чем, собственно, дело?

- Ты телевизор не смотришь? По всей стране орудуют террористы! Мост – стратегически важный объект!

- Я похож на террориста?

- Ты похож на барана! – рявкнул Колян.

- Тише, Коля. Не пугай мальчика.

Толян полностью опустил пистолет. Но его интуиция, сканируя меня на молекулярном уровне, продолжала подавать сигнал тревоги. Если не террорист, то кто? Тонкие губы Толяна нервно дернулись.

- Ладно, проваливай!

Опустив стекло, я попрощался со служаками дурашливым

взмахом руки. «Надо же! – удивлялся я. – Я лишь начал осознавать то, чего не принято осознавать, как тут же появились надсмотрщики. Вроде бы случайно, не по адресу. Но, с другой стороны, террорист тоже мыслит неординарно. Для сотрудников репрессивных структур, чье развитие остановлено на уровне средневекового варвара, одинаково подозрительны и бен Ладен с пластидом, и Будда в нирване. Анна была права: в этой стране «победившего феодализма» воспарить к небесам уже никому не дадут. Выследят и, на всякий случай, упростят. Опустят, чтоб зря не напрягал возвышенной непредсказуемостью».

В квартиру родителей я входил тихо, чтоб не потревожить маму. Часы на стене показывали без пяти минут девять. Квартира, как я и ожидал, за три месяца моего отсутствия стала еще грязней и неуютней. В прихожей горел свет. Вокруг трехламповой люстры величаво змеились лохмотья паутины. Вход в ванную был завален грязным бельем. Была краткая греза: в комнате брата (первая дверь налево, она чуть-чуть приоткрыта) звучали голоса. Сергей убеждал Глорию, что моря впадают в реки. В комнате сестры (первая дверь направо, она распахнута) жалобно пищал паркет. Пока Сергей отвлекал Глорию, десятилетний Санек метался по ее комнате. Он переставил горшки с цветами, передвинул кровать, на клавиши пианино посадил куклу. Дети Солодиных играли в «полтергейст». Сейчас сестра вернется в свою комнату и удивленно ахнет...

Греза растаяла. Увы, семейный ковчег Солодиных разбился. Старший сын три месяца назад ушел из дома, заплутал в неведомых наркопритонах. Младший, чтоб избавиться от скандалов с пьяной мамой, снял квартиру на другом конце города. Глория, выйдя замуж за неполноценного сына Булыги, разучилась нормально говорить, а потому уже несколько лет никуда не выходила из загородной крепости тестя. Возможно, навсегда замолчала печатная машинка в отцовском кабинете.

- О-о-о, кого я вижу! Явился ястреб с кровавым клювом! Осчастливить нас решил?

Мама появилась из спальни.левой рукой она держалась за стену, правой – на уровне бедра - сжимала стакан с красноватой жидкостью. На ней был зеленый атласный халат, одетый поверх халата красного, махрового. Волосы мамы, выкрашенные в желтый цвет, торчали во все стороны. Как обычно, она была пьяна.

- Мама, не начинай, пожалуйста!

- А что я начинаю? Я что-то начинаю? Просто, я бесконечно счастлива видеть вас, сударь мой...

- Я ровно на секунду. Не бойся, не задержусь. Мне нужно кое-что забрать. И я хочу, чтоб ты...

- Бревно! – визгливо крикнула мама, расплескивая содержимое стакана по полу. – Мало ли чего ты хочешь! У тебя брат пропал! Ты его выгнал! Больного из дома выгнал! Уже три месяца его нет! Ты хоть иногда вспоминаешь об этом, а?

Как у тебя с совестью, а?

Мама много курила. Она пожгла легкие, ей не хватало дыхания. Она сэкономила воздух тем, что сокращала фразы и удлиняла паузы между ними. Казалось, сократилась сама мама.

- Конечно, вспоминаю. И с совестью у меня все в порядке. Серьезно, ма, никуда твой Сереженька не денется. Прошлый раз его полгода не было. Скорее всего, он махнул в Москву.

- Какую Москву? Что ты плетешь? У него ни здоровья, ни денег! Его паспорт дома лежит! Как он без паспорта? В Москву!..

Я старался на нее не смотреть. За пять лет болезни старшего сына Елена Зильберт из красавицы превратилась в припухшую, морщинистую алкоголичку. Проходя мимо, я наклонился и, поборов брезгливость, чмокнул маму в растрепанную макушку. Прощальный поцелуй. Вспоминать буду, но жалеть - вряд ли. Мама осталась неподвижной. Она продолжала смотреть на дверь, видимо, ожидая явления своего гениального сыночка. Впервые за много лет я не ощутил укола ревности.

Не сняв куртки и не разувшись, я вошел в свою комнату (бывшую свою комнату). Привычным движением снял со спинки дивана деревянное крепление, сунул руку под матерчатую обшивку. Я вынул записку - целлофановый кулек с десятью тысячами долларов. Были еще рублевые вклады в «Юг-банке» и в «Инвест-банке».

Резко прозвенел на столе проводной телефон. Последнее время мне звонили только на мобильник. Я ждал, когда к параллельному телефону в кухне подойдет мама. Сдерживая раздражение, я давил взглядом реликтовый аппарат. Телефон настойчиво звонил. Я поднял трубку.

- Алло, я слушаю.

- Это квартира Солодиных? Мне нужен Юрий Александрович Солодин.

Я сразу почувствовал напряжение, с которым звонивший незнакомец выдавливал из себя слова.

- Я его сын. Говорите, что вы хотели?

- Я санитар, санитар из морга.

- Не понял.

- Морг судебной медэкспертизы. К нам недавно приезжал ваш отец. Он фотографию нам оставил. Парень, ваш брат, наверное. Ваш отец просил позвонить, если что.

- Ну, дальше.

- Не знаю, тут появился у нас один, уже неделю валяется.

Отец ваш не только фотографию, он еще и описание оставил. Так вот, мы их сегодня тасовали тут по полкам, ну, и этого тоже перевернули. А у него родимое пятно типа кометы на спине. Я сразу и вспомнил, вот и звоню. Хотя внешность у него – другая, но и сходство небольшое тоже имеется.

- Кто появился? Вы о чем, вообще?

- Мертвец появился. Кто ж еще может в морге появиться?

Без документов труп, вроде как убили его. То есть, не труп

убили, а того, которым он был до того... Короче, «следак» тут приходил, осматривал его. Алло, вы слышите меня? Ваш отец, это, заплатить обещал как бы...

- Подождите.

Насколько помню, я попытался спрятать трубку. Рука дернулась от головы и прижала телефон к груди. У меня за спиной, скрипя полуоткрытой дверью, стояла мама. По волосам на моем затылке ощутимо пробежал ветерок.

- Что? – выдохнула мама. – Говори, не молчи! Что-то с Сережей, да?

Глава 2.

После процедуры опознания, посоветовавшись, решили немедленно встретиться со следователем. Генеральный директор фирмы «Порядок», Игорь Максимович Ледовский, звонил в управление, наводил справки. Его заверили, что следователь замечательный, едва ли не самый лучший в Кубанске по «сложным мокрухам». Ледовский, проверяя информацию, побеспокоил бывших своих сослуживцев из ФСБ. «С криминалом не связан, высоких покровителей не имеет, своенравен, но можно давить», - коротко охарактеризовал «свой» майора Чекасова. Связаться с Чекасовым не удалось - майор был на выезде, проводил за городом следственный эксперимент. Тогда Ледовский потревожил какого-то влиятельного генерала: за Чекасовым срочно отправили машину.

Ждали следователя в родительской квартире. К тому моменту я был уже не в себе. В современной психологии нет точных определений для подобных состояний. Выражаясь простым языком, я самоустранился. Точно трусливый полководец в кризисный момент сражения, я покинул командный пункт и убежал как можно дальше, чтоб уже издалека, из безопасных кустов, наблюдать героические муки собственной оболочки. Оставшись без командира в голове, моя оболочка сидела на диване в бывшей своей комнате. Оболоч-

ка осознавала, что ее зовут Саша Солодин, что у Саши погиб брат, и что это событие, скорее всего, погубит самого Сашу.

Саша теребил кончик носа, хлопал ладонью по колену. Его суетливый взгляд постоянно натывался на комочек ваты под ночным столиком - комочек с точечным отпечатком маминой крови. Врачи скорой помощи все еще незримо присутствовали здесь – со своими блестящими ящиками, громоздкими носилками, громкими собачьими голосами. Вначале они заставили открыть все окна в квартире, чтоб обеспечить дополнительный приток кислорода. Затем они стащили неподвижную Елену Зильберт из кресла на пол, прямо на голый паркет, и долго возились с ней, точно с поломанной куклой: что-то в нее вливали, кололи, растирали.

Саша полез в карман пиджака, вынул кулек с деньгами. Кому заплатить, чтоб брат ожил? Кого и где "подмазать", чтоб вернуть жизнь в прежнее русло? Саша несколько минут шелестел кульком, воспроизводя различные звуки. Вот мелкие камушки посыпались по склону горы. А вот - в лобовое стекло машины ударил колючий снег. Играть в звуки мешали воробьи, остервенело стрекотавшие за окном в верхушке обледеневшей туи. Саша засунул деньги обратно в карман. Он резко встал и двинулся к окну, желая прогнать бесноватых птичек.

На кухне звучали приглушенные голоса. Булыга сердито доказывал, что в морге судебной медэкспертизы находился вовсе не Сергей Солодин.

- Сергей был дистрофиком, он аж просвечивался, - пыхтел Булыга. - А в этом, бля, семьдесят кило будет, не меньше. Он же не мог за три месяца так разжиреть?

- Это был Сергей! - устало доказывал Ледовский. - Пожалуйста, хватит об этом.

- Нет, на хер! Тут без контрольной экспертизы не обойтись, - наседавал Булыга. - У него ж физиономия, бля, другая! Сергей никогда бороду не отпускал. Он хоть и был конченный наркоша, но за внешностью следил.

- Забудь про бороду. Родимое пятно на спине видел? Такие пятна – это как отпечаток пальца.

- Тем хуже для нас! - шепот Булыги перешел в тихий крик. - Через двенадцать дней, сука, выборы! На хер мы поперлись в этот морг!

- Ты сам захотел.

- Надо было меня тормознуть. Там членосос крутился с камерой. Подозрительный, бля, членосос. Верняк, падла, вынюхал, что Серега мой родственник. Сольет «пругам» информацию, они такой кипишь поднимут! Надо было камеру у него отобрать!

- Ага, и руки поломать, - иронично продолжил Ледовский, - язык отрезать, кишки на локоть намотать.

- Я серьезно, Игореша! Если мы отказались от старых приемов и никого, бля, пальцем не трогаем, тогда надо мозги включать. Думать, бля, надо!

- Я как раз этим и занимаюсь, Федя!

Один из воробьев - самый крупный и подвижный - с резким криком взметнулся с ветки и на секунду завис в воздухе. Тут же вслед за ним, осыпая звонкий лед, из кроны выпорхнула вся стая. Серым прозрачным комком стая пронеслась меж голых деревьев. Летающая голова?..

Саша посмотрел в небо. Облака исчезли, растворившись в единой массе серо-голубоватого цвета. В некоторых местах она слабо розовела, отражая невидимый закат. Саша посмотрел на часы: половина пятого?.. Не может быть!

Он повернулся. В дверном проеме стоял Ледовский, одетый в черный костюм, коричневую рубашку и галстук снежной белизны. Предельно белым, с голубоватым отливом вокруг запавших глаз, было его лицо, удлинненное двумя глубокими залысинами.

- Какое сегодня число, Игорь Максимович?

- Шестнадцатое декабря.

Ледовский подошел к Саше, положил ему на плечо невесомую ладонь.

- Ты как?

- Нормально.

- Я в больницу только что звонил. Там отец твой дежурит. Маме уже лучше. Ей вкололи снотворное, она сейчас спит.

- Да-да, спасибо, что сообщили.

- Эй, приди в себя! Если честно, мы давно к этому готовились, так ведь? Сережа не жил, он гулял по краю бездны.

- Убийцу надо найти! - громко произнес Булыга, войдя в

комнату. - Срочно найти. Задницей чую, будет кипишь. Надо на корню его гасить.

- Убийцу надо найти... - глухо повторил Саша.

В темноте опущенных век, точно на телеэкране, он снова увидел санитаря морга, открывавшего дверь холодильной камеры. Движения санитаря были размерены и точны. Он был хозяином кошмара, имевшего вид узкой и длинной комнаты. Вдоль стен ее, окрашенных в зеленый цвет, тянулись в два яруса оцинкованные полки. На них белели обнаженные тела. Санитар небрежно махнул ладонью в угол камеры: «Ваш, не ваш, - на последней полке там». Сергей Солодин, совершенно голый и абсолютно на себя не похожий, лежал на спине. Его сложенные на груди запястья были связаны бинтами. На щиколотке левой ноги висела синяя пластиковая бирка – пропуск в загробный мир. Первым к мертвецу подошел Булыга. Наклонившись, он зачем-то водил указательным пальцем над лицом покойного, будто мысленно сбрасывал с него лохматую бороду и усы. Затем, повернувшись, Булыга попросил санитаря перевернуть труп, чтоб увидеть или не увидеть на его спине родимое пятно в форме кометы. Комета оказалась на месте...

Время сделало скачок. Открыв глаза, Саша обнаружил себя в комнате брата. Он стоял в углу, при входе, упершись спиной в навесную книжную полку. По правую сторону от него, вдоль стены, сидели на стульях Ледовский и Булыга. На другой стороне комнаты, рядом с кроватью Сергея, сидел

в кресле незнакомый человек. Саша не успел его рассмотреть: реальное восприятие перекрыла зрительная галлюцинация - в театральном кресле, стилизованном под королевский трон, сидел брат. Сергей, как обычно, переборщил с дозой. Он вращал головой, пытаясь вернуть мозги в естественное положение.

- Майор Чекасов! Иван Андреевич! - четко представился незнакомец. – Старший следователь...

- К делу, майор! – грубо прервал Булыга.

Галлюцинация исчезла. Саша взгляделся в следователя. Служитель закона, угрюмый сорокалетний мужчина, имел широкое славянское лицо с коротким носом и массивным подбородком. Он был одет в синие джинсы и черный свитер, лоснившийся на локтях.

- Итак, к делу, как вы хотите, - сказал Чекасов, листая блокнотик и подолгу рассматривая разнокалиберные вкладыши. – Вообще-то, у нас так не принято. Обычно я сам вызываю к себе в кабинет, все подготавливаю... Ладно, вот нашел. Иисус...

- Какой Иисус? - недоуменно вскинулся Булыга.

- Кличка, - пояснил следователь. - Бесхозная жертва. Ни документов, ни родственников. В бумагах они под номерами проходят, а я в номерах путаюсь, вот и называю их как-то. Вашего назвал Иисусом, потому как он выглядел своеобразно: борода, аскетический склад лица. Точно с иконы парень. Он был религиозным?

- Нет, он был атеистом, - ответил Ледовский.

- Значит, ошибся... - Следователь ногтем большого пальца сделал в блокноте пометку. - Труп вашего родственника был обнаружен утром десятого декабря...

- Десятого декабря? – изумленно ахнул Булыга. – А девятого декабря - день рождения Елены, матери покойного. Ничего себе подарочек маме!

- Говорите, майор, - попросил Ледовский после недолгой паузы. – Мы внимательно слушаем.

- Был обнаружен на обочине дороги, в прилегающем сосновом сквере, на пересечении улиц Затонной и Набережной, - невозмутимо продолжил следователь. - Вскрытие показало, что смерть наступила вследствие черепно-мозговой травмы. Удар в голову был нанесен тяжелым тупым предметом округлой формы. Возможно, гантель, бита или бильярдный шар, заложенный в носок. Нанеся удар, преступники скрылись, оставив жертву в бессознательном состоянии. Была ночь, пострадавшему никто не помог. Короче, он замерз. Утром пошел снег с дождем и все следы уничтожил. Возбуждено уголовное дело. Оно поручено мне. Вот и все, что я могу вам сообщить.

Эти протокольные фразы следователь произнес небрежным, отчасти даже брезгливым тоном. Он захлопнул блокнот, синхронно дернул носом и белесыми бровями. Затем Чекасов опустил взгляд на свои грязные стоптанные ботинки. Будто вспомнив что-то неприятное, он нахмурился. Се-

мья убитого ждала, следовательно молчал. Первым не выдержал Булыга.

- Обо всем этом мы уже в курсах! - раздраженно выпалил он. - Вы что-нибудь новое нам поведайте.

- Новое? - Чекасов встал, растопыренной пятерней разгладил русский чуб. - Мне кажется странным, что труп Сергея Юрьевича Солодина, совсем еще молодого парня, человека из приличной семьи, почти неделю валялся в морге вместе с безымянными бомжами.

- Что тут странного? - возмутился Булыга. - Сергей любил путешествовать. Мы думали, он в отъезде.

- Так, - кивнул следователь, - и когда вы видели его в последний раз?

- В начале сентября, - сдавленно произнес Саша.

- Уточните, - потребовал Чекасов.

- Это было... - Саша прокашлялся, чтоб вернуть голосу привычный тембр. - Это было на следующий день после взрыва. Ну, того самого...

- Взрыва в краеведческом музее?

- Да.

- Так, еще загадочней, - сказал Чекасов. Он склонил голову и стал загибать пальцы. Все следили за его манипуляциями. - Выходит, он отсутствовал три месяца? И где же он был?

- Черт! - выругался Булыга. - Откуда нам знать, капитан?

- Майор, - поправил Чекасов.

- Да какая мне разница! Полковник, ефрейтор!..

Всех казенных людей Булыга считал тупицами и скотами. Они служили продажному и лживому государству. Они были сворой голодных псов, рыщущих в поисках дополнительных кормушек. Утверждая бездушные законы, они поэтапно истребляли в себе душевность. Чем выше был чин, тем ничтожней оказывалась в человеке душа.

- Мы хотим знать, кто замочил Серегу!

Булыга стремительно приблизился к Чекасову. Толстяк сделал жест, вгонявший в трепет любого сотрудника фирмы «Порядок»: что-то невидимое резко сдернул с обвисшего свитера майора. Чекасов, будучи на голову ниже Булыги, казалось, не замечал его. Он осматривал комнату. И вновь внимание Саши сосредоточилось, чтоб следовать за взглядом Чекасова. Подкова, фотография Эйнштейна, красное знамя советской империи, икона Богоматери, рекламирующий презервативы плакат, ржавая пулеметная лента. Взгляд майора уперся в предмет, заменявший Сергею люстру. Это был черный звериный череп (то ли лошади, то ли динозавра), сделанный из папье-маше и висевший под потолком на обрывке стальной цепи. Вставленные в его глазницы лампочки придавали черепу осмысленный вид. Череп смотрел на всех с выжидательной угрозой.

- Послушайте, майор, - вкрадчиво заговорил Ледовский. Он тяжело поднялся со стула. – Мы искали Сергея. У нас свои способы, свои связи. Сергей был объявлен в федеральный розыск, но не по вашей линии, не через вашу контору.

Понимаете?

- Ну!

- Очень понятливый майор! - с язвительной ухмылкой промолвил Булыга.

Он ловко развернул свое необхватное туловище и заговорщически подмигнул Саше. Он щелкнул пальцами в сторону Ледовского. Тот смотрел на следователя с пристальным вниманием удава. Если Булыга государственных людей презирал, то бывший кэгэбист интересовался служаками как носителями особой формы сознания. Он считал ее пограничной между механической разумностью, проявляемой пчелами и муравьями, и, собственно, разумом, который не терпел механики. Глядя на Чекасова, Ледовский, проще говоря, вычислял в нем соотношение между человеком и насекомым.

- У вас, майор, дети есть?

- Дети? - удивился Чекасов.

- Да, дети, которые постоянно кушать просят. - Гендиректор неторопливым жестом поправил галстук. - Видите ли, майор, Федор Андреевич Булыга, владелец фирмы «Порядок», не последний в городе человек. Вы, конечно, в курсе, да? Возможно, через две недели он станет нашим новым мэром...

Слухом Саше завладели детские голоса. Внизу, во дворе, играли мальчишки. Старший брат обкатывал новый велосипед. Саша ясно услышал его восторженный смех - смех десятилетнего пацана, щедро наделенного здоровьем и талан-

тами...

- ...ко всему прочему, у нас наметилась сделка, большая сделка. Но люди, нам помогающие, не хотят иметь дело с фирмами, которые хоть как-то, любым боком, соприкасаются с криминалом.

- К чему вы клоните? - настороженно поинтересовался Чекасов.

- К тому, что за прошедшие полгода мы уже дважды разруливали подобные проблемы. Летом одного из наших менеджеров застрелили. Профессионально застрелили, из пистолета с глушителем, возле подъезда, когда он из машины выходил. Два выстрела в грудь, контрольный – в голову. В начале осени убили сторожа и подожгли базу на Ростовском шоссе. Вы что-нибудь слышали об этом?

- Ну, слышал.

- Убийц, естественно, не поймали. Но на телевидении и в прессе со всех сторон обсуждали нашу фирму. И при этом ввали безбожно. Якобы мы постоянно ведем криминальные войны, убили кучу конкурентов, живьем закапывали их на своих стройках и заливали бетоном. Мы, честно говоря, не желаем повторения этой шумихи.

Ледовский молча подал какие-то бумаги Булыге. Тот щелкнул ручкой и, не глядя, их подписал. Оказалось, был утвержден документ на получение премии в миллион рублей. Она предназначалась тому, кто арестует убийц Сергея Солодина.

- Очень быстро арестует, - уточнил Булыга, вставляя ручку гендиректора в свой нагрудный карман. - В ближайшие три дня наденет браслеты и загонит в камеру.

Майор, опустив взгляд, глухо напомнил, что государственные люди не имели права получать подобных премий. Во-вторых, нельзя было следствие путать с ловлей блох. Булыга ответил, что государственные люди «тоже люди», а ловить блох ему не приходилось, потому как не в бараках жил. Короче, решался вопрос взятки.

- Заметьте, - холодно объяснял Ледовский, - нам не важно, какими способами вы станете раскручивать это дело. Возможно, понадобятся свидетели, а их не будет. Или улики покажутся кому-то недостаточными. Вы сразу к нам обращайтесь. Понимаете меня?

- Не очень, - признался Чекасов. - Вы знаете, я очень устал. Я был на выезде, в лесу, восемь километров пешком...

Слух и внутреннее зрение Саши продолжали бродить за пределами квартиры в каких-то неведомых поисках: улица Центральная, вход в ресторан. Напротив него три месяца назад Саша догнал Анну. Он выбросил вперед руку, чтоб тронуть девушку за локоть. Это было... одиннадцатого сентября. На следующий день Саша выгнал больного брата из дома.

- Вы имеете дело с серьезными людьми, - гипнотизировал Ледовский. - Сергей Солодин был простым наркоманом, и мы уверены, что его убили такие же простые безмозглые торчки. И нам срочно нужен этот торчок, чтоб предъявить

его общественности и тем самым защитить репутацию Федора Андреевича. Понимаете? Любой торчок, из любой подворотни.

- Дай я объясню, - вмешался Булыга, сделав акцент на слове «я». – Убийца – это тот, кто признался, а не обязательно тот, кто убил. Врубаетесь, майор? Улики – дело второе, они как-то – хренак! – и находятся, как бы прямо в масть...

Саша окончательно перестал их понимать. Он снова отсоединился от реальности. Но если утреннее отсоединение позволило ему смотреть на мир из глубины, в которой царствовала идея сверхчеловека, то вечерняя отключка Сашу сплющила. Он потому и перестал понимать человеческие слова, что в новом, сплюсненном, мире те ничего не значили. Все слова обесмыслились: любовь, блаженство, улики...

Саша вышел в прихожую и столкнулся с собственным отражением. Зеркальный Саша смотрел на него с мольбой. Утром рядом с ним стояла любимая женщина. Саша воображал себя нескгибаемым богатырем и верил, что ничто и никогда не сможет их с Аннушкой разлучить. Теперь, спустя лишь несколько часов, зеркальный Саша умолял не лишать его этой веры.

- Я не могу его оживить, - прошептал Саша и беспомощно развел руками.

Зеркальный парень проделал то же самое, а затем его лицо стало быстро меняться. Оно, словно подогреваемая изнутри восковая маска, поползло вкривь и вкось. Нос с раздво-

енной мякиной вздернулся, обнажив верхние клыки. Раздулись ноздри. Мякоть лба с изуродованной бровью напозла на глаза. Отказавшись от арсенала привычных выражений, лицо искало гримасу, которой полноценно выразилось бы отчаянье Саши.

Глава 3.

Брата выписали из наркологической клиники в середине августа. Пару дней Сережа безвылазно сидел дома. Запершись в своей комнате, он слушал музыку и что-то выстукивал на печатной машинке. Избегая общения со мной – своим давним мировоззренческим оппонентом, - он эмоционально и многословно «грузил» папу и маму, обещая исправиться и «никогда больше себе не вредить». Чтоб помочь «бедненькому сыночку» в его благом порыве, родители купили ему джинсовый костюм, кроссовки, майку и даже солнцезащитные очки – «все, как любит Сережа». В этой обновке наш страдалец и отправился однажды на прогулку, якобы «глотнуть свежего воздуха», но, как обычно, глотнул что-то не то. Вернулся далеко за полночь, невменяемый, в одежде с чужого плеча. Так начался новый круг наших мытарств – с родительскими плачами, мольбами, с бессонными ночами, с пропажей ценных вещей и прочими безобразиями.

Вечер двенадцатого сентября выдался ветреным и дождливым. Мы с отцом, вернувшись с работы и дожидаясь ужина, смотрели в родительской спальне экстренный выпуск местных новостей. Вновь показывали развороченное нутро краеведческого музея – результат вчерашнего террористического акта. Бомба взорвалась на первом этаже, в абсолютно пустом зале. Двум смотрительницам повезло: они обедали в

дальнем крыле. Радуюсь спасению, пожилые женщины едва не плакали в камеру. Да, был беспризорный пакет - пластиковый темный пакет, вроде как с книгами. Они обнаружили его сразу после закрытия на обеденный перерыв. Пакет лежал с обратной стороны окна, на металлическом дождевом отливе. В этом окне – в качестве рекламы новой выставки - были выставлены трофейные знамена...

- Знамена немецких фашистов, – уточнял закадровый тележурналист.

- Нет, знамена турок и горцев.

Смотрительницы наперебой объясняли: выставка изначально посвящалась юбилейной дате – двухсотлетию города. Но она прошла настолько успешно, что выставку решили продлить, сделать как бы бессрочной. Каждый год она расширялась, пополняясь разными артефактами, в том числе и экспонатами времен Кавказкой войны – обмундированием, оружием. В частности, коллекцию трофейных знамен передал безвозмездно из Парижа граф Досельберг, прямой потомок генерала Досельберга, который, как известно, разгромил черкесов и турок при осаде Кубанска.

- Да, понятно, - снова вмешивался журналист. - Выходит, террористам не понравилась выставка. Кто-то из них проходил мимо музея и оставил бомбу под окном, так?

- Мы ничего не видели, мы ничего не знаем! - испуганно, в один голос, отвечали смотрительницы.

- Итак, вы обнаружили пакет, и что дальше?

- Как положено, позвонили в милицию, а сами пошли обедать. И тут - как бабахнет! Шторы на окнах - как полыхнут! Потом все загорелось – и знамена, и стенды с экспонатами...

Камера тем временем ползла по тротуару, засыпанному битым стеклом. Крупным планом - пятно крови. Увы, без пострадавших не обошлось: в больницу увезли двенадцать человек, покалеченных взрывной волной. Как и ожидалось, о своей причастности к теракту заявили в Интернете боевики «Великой Черкесии». Заявление в минутном ролике озвучила девушка, назвавшаяся Гоашей Уорк. В черных хеджабе и платье шахидки, на фоне зеленого знамени и с автоматом в руках она искаженным замогильным голосом требовала официального признания геноцида адыгского народа и поэтапного переселения «русских оккупантов» на свою историческую родину.

- Кошмар! – задумчиво пробормотал Юрий Солодин. Он резко убавил звук, как только репортаж сменился заседанием в телестудии - высокое начальство Кубанска отчитывалось в проделанных поисковых мероприятиях. – Кто мог предположить, что развитие информационных технологий приведет к подобным результатам.

- Хочешь сказать, что это телевизионщики заказывают и оплачивают терроризм? – иронично откликнулся я.

- Нет, но они его стимулируют своими красочными репортажами, и он им выгоден. Ведь доходы телевизионных корпораций не меньше, чем у Голливудских студий. Я уверен,

что по каким-то тайным каналам связи телевизионщики подбрасывают террористам оригинальные идеи. Разве прошлогодний теракт в Нью-Йорке не выглядел как работа профессиональных постановщиков? Уж слишком все было сюжетно и композиционно, не в стиле исламского искусства с его упрощенными канонами. Вообще, я вижу здесь начало бесконечного документального сериала. Вчера, в память о разгроме башен, по всему миру прогремели маленькие взрывы, и вся планета не отлипала от экранов. Ах, как интересно, да? Заметь, насколько символически перегружен и наш случай, что практикуется лишь в западном творчестве. Во-первых, теракт произведен в Кубанске, откуда, собственно, разворачивалась оккупация Кавказа. Во-вторых, террористы взорвали знамена своих побежденных предков и, тем самым, как бы освободили их из плена. Понимаешь? В-третьих, эта мерзавка в хеджабе, что в ролике их снялась – она себе имя присвоила, знаковое имя. Гоаша Уорк, напомним, это черкесская княжна, которую черкесы в знак примирения предлагали в жены Досельбергу. Гоаша прибыла в Кубанск, где в ту же ночь была задушена турецким лазутчиком. Османы, добиваясь продолжения войны, убедили горцев, что Гоашу задушил сам Досельберг, и началась осада. А теперь эта Гоаша у нынешних террористов объявлена мученицей. Ловкая получается конструкция, да? Явно здесь чувствуется рука сценариста с европейским образованием.

- Моджахеды утверждают, что это рука Аллаха.

- Нет, сынок. Бог не работает со взрывчаткой. У него есть природные катаклизмы, болезни.

- Но как телевизионные корпорации могут заработать на теракте в захолустном Кубанске? О чем ты, па?

- Я же сказал, что фильм – многосерийный, формат у него - планетарный! – Юрий Солодин навел обличительный перст на умолкший экран. – Этот предмет пророчески упомянут в одном из мифов майя. Великий вождь побывал в гостях у Бога подземелья, и тот одарил его волшебным третьим глазом. Индеец с его помощью стал наблюдать войны соседей и так увлекся этим занятием, что ослабел, потерял власть и был убит собственными слугами. Вот так!

Я взглянул на отца с недоверчивой усмешкой. Дипломированный филолог к пятидесяти годам прочел так много книг, что в его мозгах утвердилась информационная анархия. Накопленные знания, прорастая друг в друга, производили мутантов. Вместо достоверных фактов отец все чаще выуживал из памяти бредовые парадоксы. Судя по всему, миф об индейце с третьим глазом созрел на той же грядке.

- Интересно, - сказал я.

- Очень интересно! – подтвердил Юрий Солодин. Он стал быстро переключать каналы, словно надеясь сломать ненавистный ему предмет. – Тут хохочут, тут погибают. Опять хохочут! Надо бить в набат, а они - развлекаются!

- Кстати, я там гулял вчера.

- Где там? - откликнулась из кухни мама. Ее поварские

инструменты умолкли.

- Рядом с музеем, за полчаса до взрыва.

- Что? - вскинулся Юрий Солодин. Он отложил в сторону пульт, удивленно повернулся ко мне. – Ты там гулял?

- Да. А что такое?

- Подожди, сынок! А почему ты только сейчас нам об этом сообщаем? Ты вчера пришел домой, и мы ведь еще не спали! Мы еще с тобой на кухне столкнулись нос к носу, и я спросил тебя – все ли у тебя в порядке. Ты сказал «в порядке», а про теракт - ни слова?!

- А что, собственно, я должен был сообщить? Я там гулял неподалеку, зашел в ресторан перекусить, потом видел людей, бегущих от музея. Сказали, что был взрыв. Вот и все.

- Да как же так? - Отец смотрел на меня с изумлением, переходящим в негодование. - Это был теракт, Саша!

- Ну, и что?!

Я специально взвинтил интонацию, чтоб подзадорить отца на давний наш спор о мере чувствительности. Солодин-старший, проповедуя детям православную этику и классический гуманизм, требовал от них не какой-то там спонтанной животной эмпатии. Отец требовал от сыновей сознательного сострадания к чужой боли. Только так, искусственно дойдя до высшей точки эмоционального кипения, человек, якобы, мог «познать истинные способы преодоления зла». Меня давно раздражала архаичная лексика отца, но вечером двенадцатого сентября у меня появились аргу-

ментированные возражения по этой теме.

- Как что? – заерзал в кресле Солодин-старший. – Ты совсем плохо соображаешь, да? Ты стал свидетелем страшного события! Какая-то там психопатка, присвоившая себе имя легендарной Гоаши Уорк, подложила бомбу туда, где гуляют простые мирные люди! С детьми гуляют! Такие события потрясают нормального человека, заставляют о себе говорить вновь и вновь! А ты - словом не обмолвился!

- Да, не обмолвился, - с улыбкой подтвердил я. – Потому как считаю, что к терактам надо уже привыкать, как к плохой погоде. Да-да. Ты же сам сказал, что фильм - многосерийный. У самобытных архаичных народов нет иных способов сопротивления. Наша так называемая цивилизация закатывает их под асфальт, вот они и дергаются. Не психопаты они, а отчаявшиеся борцы за независимость.

- Будь они борцами, - вскипел отец, - они бы выдвигали адекватные требования! Куда переселяться? Кому переселяться? Да подобные требования можно предъявить кому угодно. Тысячи лет народы бродили как овцы – туда-сюда, туда-сюда. Сочиняют мифы про геноцид, а надо историю изучать.

- Мифы – тоже оружие.

- Подожди, я не понял. Ты – что? - оправдываешь терроризм?

- О чем ты, па? Американцы, чтоб принудить самураев к миру, атомной бомбой угробили сотни тысяч ремесленни-

ков и крестьян. Наши ребята утюжили Грозный, добивали остатки мирного населения, чтоб напугать кучку чеченских сепаратистов. Кому сейчас в голову придет назвать и тех, и других террористами? Каждый воюет так, как позволяют ему ресурсы. Цивилизация крестоносцев насилует планету в открытую, а жертвы ее экспансии мочат крестоносцев втемную. Кстати, я не уверен, что болею за крестоносцев, хоть и принадлежу – ментально и юридически – к их числу.

- Господи, прости его. - Мой отец по-настоящему, без твни шутовства, перекрестился. – Как же ты не понимаешь, сынок!..

- Ребята, о чем шумим? – неожиданно вмешалась Елена Зильберт. Мама стала в дверях, механично вытирая нож о фартук. Свободной рукой она потерла висок. Ее примороженные губы беззвучно сжались и разжались, избавляясь от алкогольного оцепенения. – Санек, мальчик мой, - тихо позвала она, - я очень тебя прошу, очень тебя прошу!..

- Ну, говори, ма.

- Останься сегодня дома.

Я смотрел на маму с выражением щенячьего простодушия. Неужели она не замечала, как я вырос? Метр восемьдесят восемь, девяносто килограмм железных мускул. Я снисходительно улыбнулся.

- Хорошо, сегодняшний вечер я проведу в семье.

- Да ладно! – удивился папа, мгновенно забыв о нашем споре. – Ты дома останешься? Я уже и не помню, когда ты

последний раз проводил вечер с нами. Что случилось, родной?

- Не знаю. Захотелось, просто.

Солодины удобно расположилась в тот вечер. Глава семьи, напялив старое трико и лыжную шапочку (неожиданно сильно для сентября похолодало), устроился в кресле. Рядом с собой он поставил передвижной столик, сервированный бутылочным пивом и холодными закусками. Эстетствующий по жизни философ, он шумно жевал, сопел, отхлебывал, вытирался пальцами. Второе кресло занял я. Горячий душ так меня разогрел, что я сидел в одних трусах, не ощущая холода, набросив на плечи влажное полотенце. Сзади, на кровати, обложившись подушками, сигаретами, бутылкой ликера и вазой с яблоками, устроилась мама. Она только что закончила готовить ужин, и сигаретный дым, исходящий от нее, сильно припахивал луком и болгарским перцем.

«Моя семья, мои родные, - с теплотой размышлял я. - Неряшливые, эмоционально разболтанные. Но, в конце концов, все их недостатки вполне компенсируются тем, что они меня любят. Ведь они меня любят?».

- Хорошо, Санек, что ты никуда не идешь, - пьяненько пробормотала мама. Она вздохнула: ее мысль о старшем сыне, который вторые сутки пропадал неизвестно где, осталась невысказанной. - Часик посмотрим телевизор, проголодаемся, а потом вместе поужинаем. Правильно, папочка?

- Вряд ли я проголодаюсь, - хохотнул папа, отправляя в

рот очередной кусок колбасы.

«Папочка... Уже и не помню, когда последний раз называл его папочкой. Смотрю свысока. Для меня он отсталый, завершённый в своём развитии предок. Я совершенно не ценю его жертвенности. Человек с высшим образованием, талантливый литератор, он всю жизнь проработал холодильщиком какого-то там разряда, чтоб нас поднять...»

- Где они берут таких идиотов? - выпалил папа, наблюдая телевизионную игру.

- Не твои ли родственники из Барановки? - съязвила мама.

«Возможно, в отношении к отцу я перенял мамину манеру вечно над ним подтрунивать. Но ведь мама делает это без злобы! Она - красавица, праправнучка царского министра и дочь знаменитого профессора - в одной упряжке с мужем безропотно взрастила троих детей. Заперла себя в клетку квартиры, чтоб вовремя подавать, обстирывать, убирать...»

- Нет-нет, - не унимался Юрий Солодин. - Ты посмотри, они, действительно, недоумки.

Телеведущий - пожилой весельчак с блестящей кожей - задал глупейший вопрос, провоцируя игрока, молодого косноязычного кавказца, на ответную глупость. Кавказец его надежды оправдал, зрители захохотали. Хлопнув в ладоши, злым и мощным тенором захохотал папа. Его поддержал переливчатый мамин фальцет. Неожиданно, вслед за родителями, засмеялся и я, хотя и не понял суть шутки. Впрочем, сути не было. Была именно добрая и милая глупость, рассчи-

танная на то, что у экранов сидели добрые, милые люди. А бывали они таковыми лишь в семьях, в окружении деток, мамочек, папочек, рядом с любимыми женушками и муженьками. И сидели они именно так - с колбаской, пивком, в трусах и халатах.

Я медленно, мысль за мыслью, подбирался к прописной истине, что молодому мужчине должно когда-то жениться. Из всех обрядов, которыми еще тешилось современное человечество, именно свадьба выглядела наиболее архаично и пошло. Я сгорал от стыда, когда мою старшую сестру в белом платье, как дрессированную обезьянку, возили по городу. Чушь какая-то, казалось мне. А уж сюсюканье вокруг молодых, всякие непристойные шуточки и намеки, сама атмосфера застолья, приторно слащавая, насквозь лицемерная, - тьфу, тьфу, тьфу!

Двенадцатого сентября, размышляя о человеке семейном, я почувствовал, что девушка Анна, с которой я познакомился вчера, запросто могла бы стать моей женой. Чувство показалось мне забавным. Я и допустил его лишь в качестве забавы, готовый моментально его развеять и осмеять. Предположим, я оказался настолько примитивным, что всерьез надумал плодиться, или, как там еще говорили, свить гнездо. Я должен был выбрать невесту.

Ха-ха, я ее выбрал. Невесту звали Анной. Она была уроженкой Бишкека и жила в печально известном «Центре вынужденных переселенцев». До вчерашнего дня мы друг дру-

га не знали, наши отношения исчерпывались получасовым обедом в ресторане и столь же недолгой прогулкой по ветреным улицам. Но за это время я пережил то, к чему, несомненно, бессознательно стремились все молодые люди, беспорядочно меняя сексуальных партнеров, обжигаясь, набивая шишки, отчаиваясь и черствея одновременно. Вначале Анна поразила меня эффектной внешностью. Я как будто выпал из тусклой реальности и очутился в пространстве с добавочными измерениями. Находясь там, я ощутил, что к незнакомке меня влечет нечто гораздо большее, чем потребность в сексе. Затем, уже общаясь, мы выявили наше с ней мировоззренческое родство. Как и я, Анна не верила в гуманное человечество и светлые его перспективы.

Да! Да! Вечером двенадцатого сентября мне вдруг захотелось, чтоб эта девушка немедленно оказалась со мной в одной квартире! Чтоб она сидела рядом, в халате и тапочках, и родители звали ее «доченькой». Чтоб у меня была одна с ней постель. И чтоб, ложась с ней в постель, я всегда желал чего-то большего, чем просто секса. Возможно, ради Анны я без стыда надел бы свадебный костюм и позволил над собой сюсюкать! У нас появились бы дети. Я хотел мальчика! Или девочку? Я хотел мальчика и девочку...

- Вы слышали? - спросила мама, резко приподнявшись с подушек.

- Что? - отец жал кнопку пульта, убирая звук.

- Кто-то в дверь постучал. Юра, когда ты чертов звонок

отремонтируешь?

Спустя мгновение родители бежали к двери. Иллюзия благополучной семьи, скрепленной нежными чувствами, разлетелась к чертям. Благополучно жили Клепины (квартира внизу), благополучно жили Курочкины с первого этажа. А вот муж и жена Цукановы (квартира наверху) постоянно дрались, потому что Василий Цуканов часто закладывал за воротник. Он взбирался по лестнице на четвереньках, издавая непотребные звуки. Возможно, он для того и пил, чтоб бессмысленно ползать на четвереньках, ибо разумность и прямохождение многих людей утомляли и раздражали. По соседству с нами, в каждой пятой семье, жил человек, послушный зову четвероногих предков. Увы, Солодины были в их числе.

- Сережа, солнышко! Что ж ты сидишь на холодном полу? Поднимись, сыночек! - истерично причитала мама.

Вчера вечером родители искали мамино золотое колечко. Было ясно, что старший сын его умыкнул. Колечко отправилось туда, куда в свое время поочередно ухнули: музыкальный центр, хрустальные вазы, папина кожаная куртка, книги, прочее добро, обогащавшее скупщиков краденого. Вчера родители возмущались, они думали над тем, как наказать старшего сына. Сын вернулся, и что же? Родители волокли воришку-сыночка в прихожую. Они подвизгивали от радости, что сынок вернулся живым.

- Где ж ты пропал, сыночек, где ночевал?

- Не помню. Я ничего не помню, мама.

- Ты золотое колечко, случайно, не брал? - осторожно поинтересовался папа.

Я мысленно подбодрил отца (отец обязан быть жестким). Сергей вернулся, потому что кончились наркотики. Ему хватило суток, чтоб спустить золотое кольцо. Друзья наркоманы прислали его за новой добычей. Играя в страдание и покаяние, брат думал лишь о том, как умыкнуть что-нибудь еще.

- Я шел, шел, два раза упал, - обессилено объяснял Сергей.

- Очнулся в каком-то подвале. У меня все болит. Я простыл, у меня температура.

- Я спрашиваю, ты мамино кольцо не брал?

- О каком кольце ты сейчас талдычишь? - крикнула Елена Зильберт. - Мальчик едва на ногах стоит. Его надо накормить, искупать!

Мое терпение кончилось. Я сорвал полотенце с плеч и швырнул его на пол. Я выскочил в прихожую, чтоб вершить суд.

Сергей стоял в углу, согнувшись и широко расставив шаткие ноги. Бывший студент литературного института, судя по затуманенным глазкам и перекошенному рту, был основательно накачан какими-то хитрыми препаратами. Упершись спиной в дверцы шкафа, Сергей обеими ладонями чесал коротко стриженный череп, усеянный мелкими язвочками и коростами. Джинсы брата до самых бедер были заляпаны грязью, на полах и рукавах вельветовой куртки чернели рельеф-

ные пятна. От брата исходил кисловатый запах.

- Никакого золота я не брал! - одутловатое лицо Сергея обиженно скривилось. - Ты чего, па?

- Я просто хочу знать...

- Юра, заткнись! - завизжала мама.

И Юрий Солодин послушно заткнулся. Еще несколько секунд он зримо боролся, гасил в себе естественное отцовское негодование: чесал затылок, мял подбородок, жевал губы. Затем, устало отмахнувшись, поплелся на кухню.

- Можешь меня обыскать, – обиженно крикнул ему вдогонку Сергей. - Да я сам карманы выверну! Вот, смотри, нет золота! Сигареты, спички, записная книжка. Хочешь, я до гола разденусь?

Мама в ванной шумела водяными струями - готовила пенную купель для блудного сынишки. Папа тарахтел посудой в холодильнике, вынимая из его глубин спасительную бутылку «Кагора». Белый свет электричества нестерпимо давил мне на глаза. Моя деформированная тень на стене была похожа на чудовище. Я чутко вымерял степень своей озлобленности к человеку, превратившему жизнь Солодиных в бесконечный бред.

Месяц назад брата выписали из частной клиники. Двухмесячный курс лечения обошелся в две тысячи долларов. Я не плюсовал сюда тех колбас, тех яблочек и апельсинчиков, тех бесчисленных пачек чая - наркота обожала чай, - которые мама таскала «несчастному сыночку». Результат был нали-

цо. Третий по счету результат. Три курса лечения в лучшей клинике города, и все понапрасну! Однокомнатную квартиру отдали, чтоб регулярно воскрешать ублюдка!

Я открыл входную дверь, выглянул: площадка была пуста. У соседской двери, распушив хвост, нервно крутилась и мяукала кошка. Оставив дверь открытой, я обулся.

- Ты куда собрался? - настороженно спросил Сергей.

- Туда!

Молниеносно к нему приблизившись, я обхватил его голову правой рукой и сделал движение, от которого у брата что-то хрустнуло в шее.

- Ты чего?.. - сдавленно вскрикнул Сергей.

Он стал падать. Я прижал его к себе и быстро поволок на площадку. Сергей так опешил, что даже не сопротивлялся. Он только сопел и всхлипывал, пока я тащил его вниз. Третий этаж, второй. Оказавшись в подъезде, я оттолкнул брата. Сергея понесло спиной на почтовые ящики. Ящики загрохотали. Я схватил брата за горло. Ярость вырвалась из меня свистящим шепотом:

- Ты!.. Слушай меня!..

- Санек, ты чего?..

- Молчи! Меня слушай! – Я сделал паузу, перевел дыхание. – Я долго терпел. Я никогда в твои наркоманские дела не лез. Это, бля, твое личное дело – превращать себя в говно!..

- Саня...

- Молчи, говорю! Ты родителей угробил. Они бухают! Ты,

сука, несчастье в дом приносишь. Все! Хватит! Ты сейчас – слушай меня! – свалишь на хер отсюда. Понял? Вот прямо сейчас. Откуда пришел, туда и вали!

- Ты чего, Санек? Мне некуда идти!

- А ты найди, Сережа! В городе есть бесплатные наркодиспансеры! Туда вали. Понял? Короче, лавочка закрылась. Еще раз повторяю: иди на хер, на все четыре стороны. Иначе!..

- Что? Что иначе?

- Я попрошу своих друзей – ты знаешь моих друзей, - чтоб тебя слегка покалечили! Например, поломали ноги, отбили печень, почки. Не хочешь добром в больницу, попадешь туда другим боком!

- Ты не сделаешь этого. Ты же мой младший брат, - неуверенно пробормотал Сергей.

- В таком виде - ты мне не брат! Ты для меня - мерзкое насекомое. Хочешь проверить, на что я способен?

- Пожалуйста, Саня, отпусти!

Сергей задыхался. Будучи на голову ниже, он пытался слабыми руками дотянуться до моего лица. Я отпустил Сергея и тут же ногой сильно ударил его в пах. Брат с жалобным всхлипом упал на колени. Я развернулся и побежал по лестнице вверх. На площадке я остановился и погладил кошку. Шерсть животного была теплой и мягкой. Я позвонил в соседскую дверь, чтоб кошку пустили в квартиру.

В прихожей стояли родители. Отец в своем обвисшем три-

ко был смешон. Мама со съехавшей набок прической выглядела еще забавней. Их глуповатым и не совсем трезвым лицам не хватало клоунского грима.

- А где Сережа? - в один голос крикнули родители.

Секунду я разбирался в своих эмоциях - какую из них выплеснуть на родителей.

- Не молчи! - визгливо потребовала мама.

Я повернулся к родителям спиной, запер дверь. Я вытащил ключ из замочной скважины и снял со стены его дубликат. Крепко зажав ключи в ладони, я прошел между родителей в свою комнату, демонстративно хлопнул дверью. Уже оттуда, щелкнув задвижкой, крикнул:

- Выгнал я вашего Сереженьку! Пинками, под зад!

- Как? – всхлипнула мама. – Юра, что происходит?

- Санек, так нельзя! – Папа, пытаясь войти, дергал ручку двери. – Он болен, его надо вернуть. Слышишь! Отдай ключи!

- Сам вернется! - злорадствовал я. – Пусть вначале мозги проветрит!

Глава 4.

Сергей вернулся спустя три месяца. Вернулся в виде трупа с проломленной головой. Следователь не менее получаса провел в его комнате, что-то там высматривая. Уходя, Чекасов забрал с собой записную книжку Сергея и его личный фотоальбом. Вслед за ним отправились по домам Булыга и Ледовский. В квартире установилась мертвая тишина, но длилось это недолго. Из больницы, куда поместили мать убиенного, прибыли отец и старшая сестра убиенного, а также муж сестры. Все трое, войдя в квартиру, тут же принялись громко плакать и причитать.

Я спрятался от всех в бывшей своей комнате. Состояние шока медленно отпускало, но я по-прежнему находился где-то вдалеке, ассоциируя собственное тело с чужой, временно подменившей меня личностью. Личность вела себя странно. Она сидела на краешке дивана и ритмично, точно маятник настенных часов, качалась взад-вперед. Ладони Саши Солодина самостоятельно перебрасывались отключенным телефоном. Жаль, не изобрели функцию перемещения во времени. Можно было бы все исправить.

- Но что? Что исправить? – сдавленно, сквозь зубы бормотал Саша.

Может, нырнуть в тот день, когда подросток Сережа в отсутствие родителей показывал младшему брату, как забива-

ют косяк? Он делал это ловко и вдохновенно, будто исполнял концертный номер. Лицо Сергея сияло в предвкушении гашишного улета. Он словно готовился к вознесению на небеса, в компанию светлоликих ангелов. Кто б остановил его тогда, четырнадцатилетнего законченного социопата?

Размышляя так, Саша ощущал себя малолетним ребенком, которого незаслуженно отстегали ремнем. Впрочем, мамин взгляд - после сообщения о «каком-то там мертвце, якобы похожем на Сергея» - был намного ощутимей любой физической трепки. За секунду до тяжелого обморока Елена Зильберт посмотрела на младшего сына так, будто плеснула в него серной кислотой. Заклеймила, прокляла!

Саша встал, неуверенными пальцами оживил телефон. Преодолевая дрожь, нашел в «контактах» нужный номер. Однако, когда он заговорил, по кочкам запрыгал его голос.

- Алло, Валера, слышишь? Серегу убили. Моего брата Серегу, да. Короче, тема есть. Пока менты дело раскрутят, хочу сам разобраться. Надо кое-кого прессануть. Звони Гарику. Толпу собирать не будем, втроем управимся...

Договорившись о встрече у ресторана «Причал», Саша вновь отключил телефон. В любую минуту могла позвонить Аннушка, ожидавшая его с работы, и надо было что-то Аннушке объяснять. Но что объяснять? Сказать Аннушке правду? Какую правду? Что являлось правдой?..

Квартиру он покидал незаметно. Медленно, предупреждая скрип петель, открыл дверь, на цыпочках прокрался к

выходу. Его родные, собравшись на кухне, продолжали громко скорбеть. Саша осторожно снял куртку с вешалки, бесшумно обулся. Неожиданно из кухни появился Андрей, держа в руке надкушенное пирожное. С видом сомнамбулы - взгляд направлен в пол, губы беззвучно шевелятся – слабоумный сын Бульги прошел мимо остолбеневшего Саши в комнату Сергея. Остановившись под люстрой-черепом, Андрей уронил пирожное на пол, наклонился, но не подобрал его. «Абыкабы», - плачущим голосом произнес он, сидя на корточках. Саша поспешно, с курткой в руках, выскочил из квартиры.

- Абыкабы! Абыкабы! – вслух повторял он, прыжками спускаясь по лестнице.

Дурацкое слово идеально подходило для характеристики того, что вечно творилось в голове Сергея. Уже в пятом классе Сережа повесил над кроватью карту звездного неба и крестиком пометил созвездие Ориона. «Мне оттуда приходят сигналы!» - сообщил он младшему брату. «Да ладно! - искренне удивился Санек. – Какие еще сигналы?» «Мысленные. Мне сообщают, что я стану великим человеком, когда вырасту». «Ты гонишь! – рассердился Санек. – Нет никаких сигналов!» «Для тебя, точно, нет, - снисходительно изрек Сергей. – Надо иметь другие мозги, чтоб их слышать, понял?»

- Абыкабы! Абыкабы! – твердил Саша, быстро шагая мимо гаражей в сторону своего «Мерседеса».

С этих самых гаражей Сережа однажды прыгал, доказывая дворовой ребятне, что способен мысленным усилием замедлять свои полеты. Доказывать помогал секундомер. Брат по нескольку раз падал на разосланные внизу матрасы, а затем демонстрировал малолетним зрителям остановленные им самим стрелки прибора: «Видите, теперь на секунду дольше летел!» Кто-то верил, кто-то сомневался. Главное, что Сережу подобные забавы «торкали и заряжали». На каникулах в Барановке он учился ходить по воде. Брат с разбегу влетал в местное озеро, пугая гусей и уток, скрывался под водой, а затем, вынырнув, радостно вопил: «Получилось! Получилось!» «Что получилось?» - недоверчиво вопрошал стоявший на берегу Санек. «Два шага по воде сделал. Ты что, не видел?» «Не видел». «Конечно, куда тебе, двуглазому? Только человеку с третьим глазом дано такое видеть».

Как счастливый обладатель третьего глаза, Сережа утверждал, что иногда у него получалось читать мысли и видеть сквозь стены. Зачастую его вранье звучало настолько абсурдно, что он сам начинал над ним потешаться. «Почему ты все время гонишь? – не раз спрашивал его Санек. – Все время что-то выдумываешь, выдумываешь!» «Не гоню и не выдумываю, а фантазирую, – поправлял его Сергей. – Так прикольной, понял?»

По приколу брат в седьмом классе начал писать стихи. Чем чаще он прикладывался к папиросе с травкой, тем ак-

тивней строчило его перо. Стихи получались откровенно бредовыми, но они «офигенно грели и вставляли» Сережиных дружков. Еще сильнее стихи начали «вставлять», когда брат, освоив гитару, стал исполнять их под музыку визгливым речитативом. В девятом классе, по приколу, Сережа записался в театральную студию. Режиссером студии был известный всему городу гомосек. Гомосек доверил Сереже сыграть сумасшедшего Гамлета, после чего психика юного дарования, вообще, пошла в разнос. В том же девятом классе Сережа впервые «двинулся» опиумом.

- Прикольщики херовы! – разъяренно бормотал Саша. Он достал из багажника восьмикилограммовую гантель, перенес ее на переднее пассажирское сиденье. – Будет вам сегодня, блядь, фантастика!

Сергей так часто произносил это слово - «фантастика», - что, в конце концов, оно прилипло к нему и стало сценическим псевдонимом. Впрочем, поначалу группу «Фигня» к сцене не допускали. Сережа Фантастика пел в подвалах, на улицах, в заброшенных производственных зданиях. Но быстро нашелся продюсер, обеспечивший «Фигне» участие в краевом рок-фестивале с последующим турне по приморским городам. Соответствуя псевдониму, шестнадцатилетний вокалист появлялся на сцене с фантастической прической и в фантастическом шмотье. Он фантастически прыгал и дергался. Свое истеричное пение он дополнял фантастическими воплями. К нему липло фантастически много девчо-

нок, но пошел слушок, что нечто фантастическое у Сережи происходило и с его ушлым продюсером.

Вырулив со двора, Саша проехал полквартала и притормозил. Переключившись на «нейтралку», некоторое время катился с работающим мотором. Машина остановилась. Саша, заглушив мотор, опустил голову на руль, уткнулся лбом в сигнал. Машина сигналила, он не слышал. Ему хотелось вырвать руль с корнем, выбежать с ним на людную улицу и насаживать на этот руль всех, сука, на голову тронутых!

Он выскочил из машины. Оставив дверь распахнутой, кинулся туда, где предлагались надежные средства для блокировки лишних переживаний.

- Бутылку виски, любую.

Продавщица продовольственного магазина лениво, точно перекормленная кошка, оглянулась на полку, заставленную пузырями антимозговых зелий.

- Виски нет, но есть ром, - гнусаво изрекла она.

- Давай ром.

Здесь же, у прилавка, с хрустом скрутив пробку, Саша влил в себя треть бутылки. Пока продавщица отсчитывала сдачу, он сосредоточенно ждал спасительного удара по мозгам. Первая алкогольная волна приглушила отчаянье. Вторая, настигшая Сашу за дверью магазина, отшибла сомнения по поводу того, правильно ли были определены виновные в гибели брата. Третью волну Саша уже не фиксировал. Он просто поплыл на ее гребне, включив на всю мощь разуда-

лый шансон в исполнении Сени Туапсинского.

Если ты не фраер, где твои наколки?
Дохлыми понтами меня не впечатлить.
Если ты не фуцен, отойдем в сторонку,
За базар ты должен кровью заплатить...

Их слишком много расплодилось - недоносков и инвалидов всех мастей. В прежние времена их вычищал естественный отбор. Но изобрели прививки, появились антибиотики, и нежизнеспособные дети стали выживать. Они, именно, выживали, оставаясь хронически нестабильными - и физически, и психически. В глазах любящих родителей нестабильные деточки выглядели как деточки неординарные. Такие сыночки и дочурки были более чувствительны и заслуживали гораздо большей любви, чем непробиваемые крепыши. В конце концов, «неординарных» стало так много, что под них пришлось перестроить нормы поведения в школах и детсадах. Толкаться нельзя. Бороться – ни в коем разе. Быть слабым – не стыдно. Быть плаксой – не позор. Стыдно смеяться над слабым. Нехорошо дразнить плаксу.

Даже банальная простуда могла их убить. Особенности детки по несколько раз в год по-настоящему умирали, барахтаясь в температурных кошмарах. Родители не понимали, что «особые» качества их болезненных чад произрастали из вирусных и бактериальных интоксикаций. По сути, «неор-

динарные» были обладателями токсичных мозгов. Взрослея, они притягивались друг к другу и, осознавая себя большинством, начинали творить собственную токсичную культуру, замешанную на психопатических идеях. Главное, что объединяло «неординарных» – это привычка к бредовым состояниям и стойкое нежелание от них избавляться. Наоборот, всеми возможными способами «неординарные» старались усилить, обострить эти состояния.

В стране недостроенного коммунизма токсичные люди были обречены. Некогда, еще при царях, у них была своя социальная ниша. Из талантливых шизоидов получались отменные святые. Бесталанные, но трудолюбивые, укрывались в монастырях. Абсолютно неадекватные свободно бродяжничали по Руси под видом «блаженных» и «юродивых». При воинствующих атеистах социализацией безнадежных психопатов занялись врачи и санитары психиатрических больниц. Монахи и потенциальные пророки, изгнанные из скитов и монастырей, массово хлынули в нишу творческих профессий. Ниша неимоверно разрослась, вобрав в себя миллионы новых писак, лицедеев, мазил, плясунов. В результате, не выдержав такого наплыва дармоедов, социалистическая экономика рухнула. Социализировать оказалось не на что. «Неординарными» занялись утилизаторы.

Саша продолжал слушать концерт Сени Гуапсинского, типичного выразителя и вдохновителя утилизаторов. Он даже подпевал ему на понравившихся припевах. «По коксовым

дорожкам вдоль маковых полей пойдем со мною, крошка, пойдем со мной скорей». «Забей косяк, и будет все ништяк!» Песни Туапсинского чудесным образом ускорили события. Саша едва успел затормозить, чтоб не врезаться в тыльную сторону ресторана «Причал». Прежде чем выйти из машины, он вновь приложился к бутылке. Алкогольный шторм набирал в нем силу.

Было около восьми вечера – самое время для активизации значных мест. Однако, ресторан «Причал» таинственно молчал. В зарешеченных окнах кухни не мелькали повара. Не гремел ансамбль, в котором вылуплялся ныне известный всей стране певец. Не хлопала поминутно входная дверь, не мигала над брусчатой площадью узорчатая светодекорация.

- Вот и замечательно! - кровожадно ухмыльнулся Саша, подумав о возможных свидетелях предстоящей разборки. Он вышел из машины с гантелями в руке. – Будет вам, сука, Абыкабы!..

Утилизаторы были слеплены из особого вещества – из пролетарского мазута с примесью колхозного навоза. Во взрослую жизнь они выходили из тесных коммуналок, из заводских общежитий, из богом забытых деревень. С ними в детстве не «нюнькались», над ними не «кудахтали» мастистые доктора. Большая часть из них, подавив отвращение, вставала рядом с отцами за фабричные станки, садилась за рули, уходила в забои. Какая-то часть, не сумевшая побороть отвращение к физическому труду, растекалась по тюрьмам и

уголовным притонам. И совсем немногие, наиболее изворотливые, встраивались в госаппарат на любые должности, игнорируемые «богатенькими сосунками» из потомственной партийной и интеллигентской элиты. Благодаря врожденной выносливости, парни из коммуналок делали там стремительные карьеры. Как только советский Паровоз дал крен, они, объединившись с уголовниками, успешно его опрокинули. Затем, занявшись поэтапной утилизацией сломанного локомотива, новые властители попутно утилизировали и наименее жизнеспособных его пассажиров.

Легко уходили бабульки и дедульки, разом потеряв сбережения и веру в светлую старость. Потерявших работу тружениц и трудяг утилизировали некачественной едой и дешевым спиртосодержащим пойлом. Для утилизации «неординарного» молодняка пришлось применять более изощренные схемы. В Кубанск прибыл досрочно освобожденный аферист, криминальный авторитет Коля Журман. Тут же, прямым приказом из Москвы, главным борцом с организованной преступностью по Кубанскому краю был назначен молодой полковник Леша Гажо. Журман и Гажо были друзьями детства – они некогда занимались самбо в одной спортивной школе. Следуя сценарию московских кураторов, бывшие друзья вновь «скентовались» и быстро сколотили мафиозную структуру, разом объединившую воров и ментов. Из Средней Азии непрерывным потоком хлынул героин. Журман наладил работу нескольких лабораторий, превращав-

ших чистый наркотик в десятикратно разбодяженное грязное шириво. Все местные урки – карманники, грабители, картежники, кидальщики – были временно поставлены под ружье для раскрутки нового бизнеса. Урки, в свою очередь, находили добровольцев из «золотой» молодежи - самых аморальных, самых лицемерных, - чтоб те помогали «сажать на иглу» своих богатеньких дружков.

- Саня, мы здесь!

Друзья Саши, оставив машины на обочине, двигались напрямую по освещенному газону, оформленному в японском стиле. Валера Краснюк – издали похожий на вздыбленного озлобленного медведя – прыгал через ручьи и каменные валуны. Колченогий Гарик ловко между ними петлял, качая корпусом подобно боксеру на ринге. Саша помахал им рукой.

- Саня, е-мое, в натуре, мои соболезнования!

Валера Краснюк – простецкая душа – искренне был взволнован. Он бросился обнимать Сашу так, словно тот потерял всю семью, а не презираемого им братца наркомана. Гарик, сняв кепку с жестких негроидных волос, наоборот, был сдержан и холоден, как и положено профессиональному воину перед сражением. Засунув кепку в карман, он из-под полы кожаного, с меховой подкладкой плаща вынул толстую каучуковую дубину.

- Что за расклад, Саня? – спросил Гарик.

- Расклад такой...

Рычащим голосом Саша озвучил обвинительный приговор. Много лет назад брат Серега ходил в «Причал» на репетиции. Здесь его приобщил к наркоте некто по кличке Мэнсон, руководитель и продюсер группы «Фигня». Этот русский парень во всем подражал тому самому бесноватому американскому певцу Мэрилин Мэнсону, который в своем псевдониме объединил имена глянцевого шлюхи, умершей от передоза, и серийного убийцы, казненного на электрическом стуле. Они тут с Серегой играли типа новую музыку, наряжались и красились как уроды. На самом деле, этот балаган лишь прикрывал торговлю ядовитыми кайфами. Команда, после того как Серега уехал в Москву, разбежалась. Мэнсон, отправив на тот свет несколько сотен торчков, разбогател и стал совладельцем «Причала». Естественно, продолжает торгавать наркотой. Серега ему задолжал, и когда пришел выклянчивать дозу, шестерки Мэнсона его избили и бросили умирать здесь неподалеку.

- Такой вот расклад! И я хочу, сука, этого Мэнсона, на хер, удавить!

- Удавим! – угрюмо пообещал Валера, надевая кожаные перчатки с вшитыми свинцовыми пластинами.

- Саня, только это... - Гарик дубиной указал на гантель в руке Саши. – Пожалуйста, давай без этого. Последний раз ты едва в морг не отправил чувака.

Саша, секунду подумав, бросил гантель на землю. Друзья решительно двинулись к входной двери ресторана. Все

трое были обуты в одинаковые широконосые ботинки, ласково именуемые "утюжками". Подковы "утюжков" издавали холодное клацанье, напоминавшее звуки хирургических инструментов. Пугающе выглядели и черные длиннополые плащи с накладными погонами, неотличимые от формы садистов третьего рейха. И походка у друзей была такая, что с первого взгляда становилось ясно – вышли ребята не на прогулку, а с конкретной целью кого-то порвать. Точно так когда-то разгуливали по Риму вандалы, движимые здоровой инстинктивной ненавистью к изнеженным и извращенным горожанам.

При подходе к «Причалу» выяснилась причина его тишины: левая часть мраморного фасада, освещенная двумя фиолетовыми фонарями, была затянута объявлением – «Аренда помещений». На правой части, между двух громадных окон, висел рекламный щит тех, кто уже успел заселиться в помещения бывшего ресторана. На щите грубыми мазками была намалевана фактурная обнаженная девушка. Сидя на корточках, она стыдливо прикрывалась электрогитарой, на коробе которой нарочито кривыми буквами было написано – «Рок-клуб «Транс».

В окнах за тяжелыми синими шторами брезжил свет, дверь в вестибюль была приоткрыта. Узкой полосой вытекал из нее сигаретный дым и волнообразными струями устремлялся вверх, в темную крону ветвистой сосны. Судя по голосам – чрезмерно крикливым и смешливым, - курильщики

в вестибюле пребывали под кайфом. Скорее всего, это был гашишный торч, известный тем, что растормаживал бессознательные страхи и вытеснял их наружу посредством истеричного веселья.

Все происходящее далее Саша фиксировал рваными фрагментами.

Вот он врывается в помещение, заполненное дюжиной неадекватных выродков. Тот, кого он первым сметает кулаком на пол, похож на таракана - весь в джинсовом рванье, специально потертом и порезанном, чтоб наглядно уподобится вредному насекомому. Вестибулярный аппарат обдолбленного таракана реагирует с опозданием: парень падает неловко, раскорячив руки, гремя мослами о кафельный пол. Лежа на боку, странно вывернув патлатую с синим чубом голову, он смотрит на Сашу так, будто тот явился из преисподней – этакий темный ангел-обломщик, карающий за греховное поведение. Перепрыгнув через него, Саша выставленными вперед локтями таранит еще двух облезлых торчков. Слева и справа от него вершат кару Валера и Гарик, натренированными движениями укладывая на пол всех подряд – и мальчиков, и девочек. Последние визжат особенно громко...

Провал в памяти.

Саша двумя руками душил Мэнсона. Он не помнит, каким образом добрался до музыканта - кажется, Мэнсон прятался в барабанах ударной установки. Бывший зал ресторана рокеры переоборудовали под дискотеку с концертной площад-

кой, барной стойкой и десятком столиков вдоль стен. Судя по небольшому количеству людей, у них была репетиция, и вот репетиция продолжилась, но уже с другой музыкой.

- Тебе чего? – хрипит Мэнсон.

Он лежит на спине, на полу, а Саша сидит сверху, зажав коленями, как тисками, щуплый торс музыканта. Мэнсон тонкими пальцами, сплошь увешанными оловянными перстнями, пытается ослабить хватку Саши. Его напوماженный алый рот при каждом затрудненном вдохе распаивается так, что видны черные пломбы в коренных зубах. Саша, освободив правую руку, стаскивает с Мэнсона длинноволосый черный парик и начинает им активно елозить по крашеной физиономии. Возможно, Саша вознамерился вернуть парню его первозданный облик. Вот уже стерты нарисованные на бровях языки пламени, стерта черная рыба на лбу. Лучше бы ты, тварь, косил под Сеню Туапсинского!

- Саня, не перестарайся! - кричит Валера, утюжа ногами поверженных врагов.

- Лежать! Я кому сказал, лежать! - орет Гарик и закрепляет приказы хлесткими шлепками дубины. – Саня, в натуре, остановись!

Провал.

Шальные заигрывания со смертью. Саша, следуя за машиной друзей, мчит по Набережной в сторону Центра и моментами представляет, что у него отнялось все тело. Вот под малым углом дорога уходит вправо, а чертовы руки не

справляются с рулем, и ноги не могут притормозить и сбросить скорость. Саша прищуривает глаза, и встречные машины, разом превращенные в световые пятна, вдруг начинают истошно сигналить. Они резко шарахаются влево, одна за другой, избегая столкновения, но у них все меньше остается места для подобных маневров. Саша воображает: удар, тьма, посмертный тоннель, ангелы, бесы. Успеет ли он догнать Сергея? Что скажет ему на одном из перекрестков загробного мира?

- А вот что я тебе скажу, братик мой, - вслух кричит Саша. – Допрыгался ты, голубенький, доигрался!

Резким финтом Саша уводит машину со встречной полосы. Нет, он еще не созрел для посмертных разборок. К тому же он в них и не верит, симпатизируя более продвинутым гипотезам вечной жизни. Например, можно предположить, что человек вообще не рождается и не умирает. Он пребывает в виде информационного поля в неких координатах временного континуума. Континуум постоянно активизируется, реализуясь в различных физических формах (наблюдаемая Вселенная – одна из этих форм). То, что мы считаем рождением, есть начало взаимодействия с другими полями. Это взаимодействие, в свою очередь, ограничено операционными целями более сложных программ. Проще говоря, человека как бы запускают, используя его информационный потенциал, а затем, по завершению операции, отправляют обратно в базу данных для последующих активаций. Ну, как бы так.

Саша ухмыляется. Расправа с Мэнсоном и игра в суицид приглушили в нем ярость и агрессию. Он настроен философично. С высоты обозрения того существа, который командует временным континуумом, люди не просто ничтожны, они - иллюзорны. Если Бог существует, то он, несомненно, индус. Остановившись у придорожного ларька, Саша просит в окошко у невидимой продавщицы бутылку майи.

- Чего-чего? – удивленно окликается женщина.

Провал.

Игра в раненого. Валера и Гарик в роли фронтовых санитаров. Пыхтят, но тащат Сашу по лестнице на четвертый этаж. Переночевать у родителей, пока мама в больнице. Так будет лучше. К Аннушке в таком виде – ни-ни!

- Саня, давай! Еще чуть-чуть. Что ж ты такой тяжелый, брат?

Мог, конечно, и сам дойти. Но тогда пришлось бы общаться с папой. Нельзя общаться с папой. Ни с кем нельзя общаться. Притвориться мертвым, мертвым!

- Саня, ты как?

А Саня уже никак. Он висит на плечах товарищей, низко склонив голову. Поза распятого не кресте. Казнен за чужие грехи. Гвоздь вколотили в душу. С креста никогда не снимут.

- Юрий Александрович, откройте, пожалуйста. Мы тут Саню привели, он чуток того.

- Что? Что случилось? – испуганно вопит Солодин-стар-

ший, распахивая дверь.

- Да ничего страшного. Перебрал Саня.

Перед окончательным провалом Саша вновь вспоминает о своей Аннушке. Четкая мысль, что «все-таки надо любимой позвонить и как-то ей все объяснить», мгновенно сменяется бредовой иллюзией, будто Аннушка рядом. Жизнь сложилась примерно так, как и грезилось в начале дня. На берегу океана, в ста метрах от кромки воды, блестит намытыми окнами их маленькая, уютная гостиница. День близится к закату. Немногочисленные гости, собравшись во дворе под кроной цветущего коухая, кормят из рук прирученных желтохлых какаду. Саша выходит из воды, держа в одной руке подводное ружье, в другой – увесистую связку рыбы. Аннушка, оставив гостей, радостно спешит ему навстречу. Впереди нее бежит крепкий загорелый малыш...

Глава 5.

Большинство мужчин ищут «своих половинок», полагаюсь на зрение, обоняние и тактильные ощущения (звуковая и вкусовая информация - вторичны). Меньшая часть мужчин влюбляется с бессознательной оглядкой на искусства и прочие визуально-смысловые ориентиры (так регулярно, по несколько раз в год, происходило с моим братом). Мной, в моем чувстве к Анне, управляло нечто иное - пограничное, аномальное. Я шел к моей Аннушке пять лет.

Всё началось в армии, в таежном поселке Кужуч на Среднем Урале. Я, тогдашний новоиспеченный сержант внутренних войск, поднялся на пятиметровую высоту в нелепое деревянное сооружение, называемое караульной вышкой. Защищаясь от августовского солнца, я приложил к бровям сложенную ковшиком ладонь, чтоб оглядеть вверенное мне для охраны пространство. И тут, как сказали бы в древности, на меня сошел Морок.

Там, внутри зоны - в окнах административного здания на верхнем этаже - мелькала темноволосая девушка. Реальная картинка была именно таковой: здание, окна, а в них - незнакомая девушка. Еще, в пределах бокового зрения, присутствовали уродливые жилища зеков, линии проволочных заграждений, кирпичная стена по периметру, круглоголовые сопки вокруг зоны, черные птицы над ними. Но, одновре-

менно, сквозь эти реальные объекты на меня вдруг напали другие смыслы, абсолютно оторванные от реальности. Якобы, девушка была лишь отчасти девушкой. Людские постройки символизировали нечто нечеловеческое. Природа, да и вся планета в целом являлись лишь текучими формами грандиозного процесса, не ведавшего никаких границ (то есть, по сути, бесформенного). Девушка, в большей степени, была бессмертным существом, находящимся в данной точке Вселенной с определенной миссией.

Меня отвлек вышкарь – низкорослый и темнолицый представитель местной монголоидной расы. Стоя сбоку, он тихо насвистывал незамысловатую мелодию. Заметив, куда пялится сержант, восторженно пропел:

- Лариса это! Наша Ларисочка! Секретарша начальника! Его племянница!

- Какая племянница? – невпопад откликнулся я.

- Ну, это... - вышкарь подбирал толковое объяснение. – Ну, дочь она брата, брата начальника, а брат не здесь живет, далеко живет. Прислал дочку, после училища какого-то, уже два месяца здесь.

- Страшная?

- Кто страшная? – испугался вышкарь.

- Племянница начальника! Ларисочка ваша - она страшная?

- Ой-ей! – Вышкарь дернул ремень автомата, висевшего на плече, другой рукой хлопнул себя в ухо. – Красавица! Вот

так! Красивей не бывает! Вся зона по ней сохнет! Все сохнут! Ты тоже засохнешь, никуда не денешься!

Вышкарь засмеялся. Девушка, остановившись в одном из окон, поливала стоявшие на подоконнике растения. Она была одета соответственно внутрилагерному дресс-коду - в черные брюки и белую сорочку. Расстояние скрадывало ее черты. Опытным взглядом я сумел лишь оценить фигуру. Фигура была первоклассной.

Сопrotивляясь Мороку, я активировал рациональное мышление. Я допустил, что в пространстве, окружавшем девушку, находилась некая мощная энергия. Ларису сексуально желали одновременно около трех тысяч мужчин. Их каждодневно источаемые вожеления, материализуясь в какие-то там силовые поля, точно направлялись на секретаршу, делая ее тем самым сверхжеланной. Таким образом, сами того не сознавая, солдаты и зеки превращали обыкновенную девчонку в непостижимое божество, которое, действительно, могло кого угодно заморочить и высушить.

Я продолжал наблюдать за Ларисой. Девушка, опустошив кувшин, поставила его на подоконник. Повернувшись в нашу сторону, она подняла руки, медленным движением поправила прическу. И тут, как мне померещилось, наши взгляды встретились. Разделявшая нас сотня метров вдруг захлопнулась, скукожилась, поставив нас с Ларисой, буквально, лицом к лицу, на расстояние вытянутой руки. Я вмиг разглядел цвет ее глаз – зеленовато-серый. Я четко уловил ее

запах – сирень с яблочным привкусом. Кажется, при этом у меня испуганно остановилось сердце, и предательски ослабли ноги. Я вцепился в перила вышки. Я плотно, как от яркого света, зажмурился.

- Ничего себе!.. – беззвучно вскрикнул я.

Никогда прежде я не воспринимал женщину как Божество. Существа противоположного пола мне просто нравились, притягивали к себе, но этика компании, в которой я вертелся на гражданке, предписывала понравившихся девочек иметь, а не фантазировать по поводу их возможных достоинств. Высокие чувства изображались, но не переживались. Они были лишь декорациями стандартного поведения, обеспечивавшего быстрый доступ к женскому телу.

Я спустился с вышки. Вышкарь продолжил высвистывать лагерный фольклор. Помню, как не вполне уверено, словно после тяжелого нокаута, двигалось мое тело. Мне не хватало дыхания. Почему-то хотелось дергаться и нечленораздельно кричать, как это бывает с шаманами, опоенными наркотическими морсами. Но самым странным было паранормальное ощущение, будто между мной и Ларисой сама собой установилась некая коммуникация. Нас будто настроили на одну волну, превратили в дополнение и продолжение друг друга, но не здесь, в среде осмысленных вещей, а на других уровнях, обычному сознанию недоступных.

Я шагал по бетонной тропе караула, а у меня под ногами нарастал непонятный гул. В какой-то момент пришло осо-

знание, что это гудят реки магмы под тонкой земной корой. Затем в дневном небе четко проявились звезды! Был еще ветер, несущий с собой запахи всех земель, над которыми он пролетал. В караульном помещении вместо тупых подчиненных я обнаружил людей, полных скрытых ума и величия. Даже толстая зеленая муха, бившаяся в стекло – недавнее для меня воплощение мерзости, - претендовала отныне на вдумчивое отношение. Я открыл форточку, осторожными пальцами направил насекомое в свободную счастливую жизнь.

Лариса жила в гражданском поселке, в двенадцати километрах от зоны. Что-то про нее я узнал из разговоров солдат и прапорщиков. Родилась и выросла в таежном поселке, окончила курсы бухгалтеров, поселилась в доме дяди, ни с кем из мужчин пока не встречалась. Все эти сведения, кроме последнего, были мне безразличны, как позолота храмов для истинного верующего. Ничего не значило лошадиное имя девушки, мимо глаз скользили ее нестильная одежда, тяжеловесная золотая бижутерия, несогласованный по тонам макияж.

К восьми часам утра белая «Волга» начальника зоны заезжала на стоянку, прямо напротив смотрового окна нашего контрольно-пропускного пункта. Я украдкой, прячась за занавеской, наблюдал, как моя Богиня выпархивала из машины, небрежно захлопывала дверь. Быстрыми отточенными движениями, уже на ходу, она что-то на себе поправляла и одергивала – воротник желтого плаща, синий шарфик, ко-

жанный ремень на талии.

Дядя Ларисы, сухощавый коротышка с плоским и вечно недовольным лицом, быстрым шагом приближался к проходной. Я подавал солдату знак: сухо щелкала и со скрипом откатывалась входная дверь. Полковник и его племянница входили в зарешеченную камеру предварительного досмотра. Наступала пиковая фаза моей замороченности. Я совершал какие-то действия: принимал пропуска, делал записи в регистрационный журнал, сам включал вторую дверь. Я что-то отвечал полковнику, имевшему привычку задавать караулу один и тот же тупой вопрос: «Ну, как служба, ребята?» Я даже иногда шутил, иллюстрируя свою эрудицию подходящими стихами и фразами из классики. Короче, я умело маскировал то, что происходило со мной на самом деле.

А происходило со мной вот что: каждая секунда реального сближения с Ларисой наполнялась таким весомым значением, что весь временной поток во мне как бы утяжелялся и замедлялся. Время превращалось в субъективный фактор, подобный звуку, вкусу и цвету. Оно вообще тормозило и буксовало, когда Лариса, минуя специальное оконце, подавала пропуск между прутьев решетки, и я, принимая его, как бы нечаянно прикасался к ее пальцам. Невидимый ангел хлопком в ладоши объявлял стоп-кадр. Я смотрел на профиль Ларисы: высокий лоб, ровный нос, выпуклые блестящие губы. Загнутые ресницы верхнего века слегка опущены, как будто их хозяйка о чем-то задумалась. Каштановые во-

лосы аккуратно зачесаны назад и ровно подрезаны на уровне лопаток. Я различал каждый миллиметр ее кожи, оттенки влажного блеска в уголке глаза, цветовую фактуру полупрозрачной ушной раковины. И, честное слово, мне ничего не хотелось из того, что раньше я проделывал с массой других девушек. Сама мысль о возможности каких-то там слюнявых засосов, возни в постели с раздеванием, с кувырканием, с ахами и мокрым хлюпаньем, - такая мысль казалась мне кощунством.

В начале октября вместе с первыми заморозками неожиданно нагрянул мой папа. Потомственный южанин не имел зимней одежды. В кожаном плаще и широкополой шляпе, в узких осенних туфлях, Юрий Солодин скакал у ворот части, точно приبلудившийся цирковой пудель. Командир роты, не раздумывая, подписал мне «увольнительную» на три дня.

В поселок ехали на ротном «уазике». Отец беспрерывно говорил. Он вновь и вновь, ерзая и похохатывая, описывал свои дорожные приключения: в поезде чемодан едва не забыл, чудом не околел на станции, дожидаясь рейсового автобуса.

- Я в дверь гостиницы полчаса стучал, они там все спали в шесть утра! - восторженно рассказывал отец, бегая взглядом по кабине «уазика». - Но гостиница теплая, номер просторный, я три бутылочки нашего кубанского коньячку привез!

На слове «нашего» голос отца неестественно взлетел. Я догадался, что первоначально «нашего коньячку» было го-

раздо больше. Отец, сняв шляпу и уткнувшись лысеющим лбом в мое плечо, слезливо бормотал:

- Боже, как я рад! Как я соскучился. Давай, сынок, рассказывай о себе! Как ты тут, родной, выживаешь в таких жутких условиях?

Я долго подбирался к теме аномального чувства. Помог коньяк, вместе с которым на стол в гостиничном номере из отцовского чемодана переместились колбасы, копченый цыпленок, сушеная тарань, адыгейский сыр, фрукты, орехи. Я растворился во вкусовых ощущениях. За окном в стремительно густеющих сумерках зажегся одинокий фонарь. Над пустынной площадью, обрамленной елями, вилась поземка. Стол, накрытый отцом, вернул меня в Кубанск.

- Я изменился, папа. Я не жалею, что пошел в армию. Я очень рад, что попал именно сюда, в эти жуткие, как ты выразился, условия.

Отец, перестав жевать, гримасой выразил недоумение. Я стал объяснять. Впервые в жизни я говорил с отцом как независимо мыслящая личность. Обычно, в доверительных философских беседах, Юрий Солодин что-то внушал своим сыновьям, а те лишь неловко сопротивлялись или безоговорочно соглашались. Впервые я почувствовал, что перерос своего учителя.

- Ведь меня никто не понял, когда я пошел в армию. Вы предлагали мне отсрочку, а я отказался. Почему я отказался, па?

- Не знаю, сынок.

- Ты с пеленок нам втолковывал, что для умного человека нет страшной беды, чем вынужденная остановка в развитии, пробуксовка, топтание на месте. Человек - он как комнатное растение: если упрутся в потолок, то начнет деформироваться, расти вкривь и вкось, пока не превратится в психического инвалида.

- Я такое говорил?

- Да, говорил. Так вот, к восемнадцати годам я именно таким инвалидом и стал. Я не заметил, как это произошло. Вместо мозгов стал накачивать мышцы. Завел друзей – откровенных неандертальцев. Помнишь, мои проблемы с милицией? Короче, я забрел в тупик.

- Ты мог пойти учиться.

- Куда, па?

Насмешливо улыбаясь, я встал из-за стола. Созревшая во мне мудрость была отчасти пророческой, а потому ее следовало озвучивать стоя. Я медленно двинулся по комнате и столь же медленно жестикулировал, будто качал в руках нечто убийственно тяжелое.

- Университеты, институты! Сплошная профанация! Наш Серега учится в Москве, ну и что? Лично я не заметил, что он совершенствуется. Как там у него в последних песнях: «Нет никакой разницы между лицом и задницей». Или вот еще: «Давай имена поменяем на клички, высокие чувства занизим в кавычки». Да это же манифест клоунов! А я с дет-

ства, ты знаешь, ненавижу цирк!

- Ты хочешь сказать, армия – не цирк?

- Армия – вдвойне цирк! Но после школы меня так штормило, что я готов был отправиться куда угодно, хоть на Марс! А тут – повестка. Вроде как перст судьбы. Ну, я и решил попробовать... Что? Ты что-то сказал, па?

Сбившись с мысли, я мельком взглянул на отца. Юрий Солодин отрицательно мотал головой, потом взмахом руки попросил – мол, продолжай. Однако что-то было не так с его внешностью. Отца будто перекосило, как от съеденного целиком лимона. Гримаса была столь пугающе неестественной, что я поспешил отвернуться.

- Ну, так вот, - продолжил я. – Мне повезло, я попал туда, куда надо!..

Остановившись у окна, я ладонями обхватил край подоконника. Я вплотную приблизил лицо к стеклу, направив взгляд вверх освещенной площади и нескольких жилых кварталов, смутно маячивших сквозь сумерки морозного вечера. Там, за грядой сопок, пребывала она – ЗОНА! Прежде чем доверить отцу свое запредельное чувство к Ларисе, я должен был высветить причины, по которым, как мне казалось, оно возникло.

- Что должен был увидеть принц Ситхартра, чтоб впоследствии переродиться в Будду? Я хорошо запомнил твои уроки, папа. Чтоб прозреть, надо встретиться с мертвецом. Здесь, в армии, я на него и наткнулся! Мало того, я его охра-

няю!

Продолжая вглядываться в темноту, я красочно описал тюремные порядки. Паханы и шныри, воры и стукачи, мужики и опущенные. Всякий, сюда входящий, забудь, что ты человек. Зона – территория древних страхов. Чтоб внушать уважение, чувствуй себя людоедом. Сильного – опасайся, слабого – унижай. Избавляйся от жалости как от заразы. Не верь, что убийство – порок. Обмани, чтоб не быть обманутым. Забери, пока не забрали другие. Учись наслаждаться жестокостью в отсутствие прочих наслаждений.

- Я вначале опешил! У меня был мировоззренческий ступор! Я не мог понять – как такое возможно? Есть Кремль, парламент, Большой театр, концертные залы, библиотеки, телевидение, интернет, ученые конференции. Много чего такого есть, что доказывает нашу цивилизованность, пусть даже отчасти деланную и шутовскую. Зачем же, думал я, у себя под боком - внутри себя, под собой - создавать и содержать подобные парки динозавров? Их в стране – несколько тысяч. Текучесть – страшная. Полмиллиона постоянно пребывает за решеткой! Пять миллионов обслуживают текучку – ловят, судят, охраняют. Представь масштабы этой структуры и последствия ее работы! Казалось бы, общество обязано покончить с этими курсами теоретического и практического каннибализма. Но что-то мешает обществу.

- Ну, это как...

Взмахом руки я попросил отца помолчать. Меня не ин-

тересовали легковесные суждения кабинетного мыслителя. Как бреньканье балалайки, они могли лишь разладить симфонический строй моего интеллекта.

- Подожди, па, я еще не закончил. Мне недавно открылось, почему Зона неподвластна обществу. Тут четко проглядывается аналогия: организм и его ДНК. Макака как угодно может относиться к собственному уродству, но ей не дано ковыряться в геноме, где четко прописано, что быть макаке ушастой и краснозадой миллионы лет, пока не исчезнет. Я не ставлю вопроса, кем прописано. Просто, на данном этапе моего индивидуального развития, я понял: ДНК человеческого общества – это не храм, не монастырь, не детский сад, не школа, не университет. Данные учреждения - это лишь немощные попытки раскодировать основу. Подлинная душа человечества извечно репродуцируется в других общественных структурах. На сегодняшний день – это Зона, тюрьма, банда, секта, террористическая организация. Это секретные организации, которые охотятся на банды и террористов. Это тайные политические сообщества, финансовые и промышленные корпорации, поедающие друг друга. В них воспроизводится дух окультуренного людоедства, и никто, никогда не сумеет этот дух победить. Короче, мы, планетарное общество гомо сапинсов, навсегда обречены быть скрытыми каннибалами. Вот что я понял, находясь здесь, папа!

- Ого! – глухо воскликнул отец.

Кислая гримаса так и не сошла с его лица. Более того, она

поползла ниже, перекосив шею и плечи Юрия Солодина. Теперь он сидел за столом, наклонившись вбок, прячась за пустой бутылкой. Взгляд сверху открыл мне бледную плешь на темени отца, издали похожую на лишай. Затем я вдруг заметил, что мой папа словно вдвое уменьшился, превратившись в старенького подростка. Папа-подросток был чем-то сильно напуган.

- К чему ты это все говоришь, сынок? – тихо промямлил Юрий Солодин.

- К тому, что я прозрел, папа! Меня теперь не штормит. Оказывается, чтоб полноценно развиваться, надо видеть не макияж мира, а его реальную изнанку. Короче, я вышел из тупика! И, знаешь, чем аукнулось мое новое состояние?

- Чем?

- Я обрел новые чувства! Невероятные по размаху и мощности чувства! Точнее, оно одно, это чувство, но в нем столько слоев, столько оттенков! Ничего подобного на гражданке я не испытывал. Да, там были увлечения, западания, пристрастия. Короче, я из лужи в лужу нырял, а здесь – в океан окунулся...

- Стоп! - попросил отец, хватаясь за лоб. - Я, кажется, приплыл.

Я помог отцу добраться до постели. Юрий Солодин, тяжело сопя, разделся. Я был удивлен, что отец опьянел так быстро и сильно. Прошло чуть больше часа, как мы приехали в гостиницу и сели за стол. Я не успел даже расспросить,

как там поживали мама, сестра, брат, Булыга, Игорь Максимович.

Я оделся, спустился в буфет. Гулкая гостиница была наполнена странными шумами.

- Ветер в трубах поет, - объяснила сонная буфетчица.

Я купил бутылку минеральной воды. Поднимаясь наверх, я попытался уловить в шумах отзвуки какой-нибудь мелодии. Мне помешали сдавленные рыдания отца. Я бросился в номер. Юрий Солодин плакал, накрыв голову подушкой.

- Па, что такое? - пролепетал я, стоя посередине темной комнаты.

Отец, скинув подушку на пол, вздохнул и спешил признаться. Сережа, еще летом, приехал из Москвы на каникулы. Другой Сережа, совсем другой. Лица нет, кожа да кости. На руках шрамы. Шприцы, таблетки. Уговорили лечь в клинику. Думали, будет лучше. Булыга посоветовал. В лучшую клинику. Не стало лучше. Через неделю Сережа сорвался. Украл деньги. Потом стал бояться зеркал. Да-да! Из зеркала, что в прихожей висит, на Сережу выпрыгнуло чудовище. Как Сережа кричал! Как кричал! Под кровать прятался! Пришлось врачей вызывать.

- Как же ты прав, сынок! – рыдал отец. – Чертов балаган! Нет никакой разницы между лицом и задницей! Чертов балаган!..

Прошло пять лет. Я, двадцатитрехлетний управленец крупной строительной компании, лежал на широченном ди-

ване в элитном банном номере и старательно вспоминал. В моем армейском прошлом торчала парадоксальная заноза. Я был сержантом, служил во внутренних войсках. Что-то произошло со мной непонятное, странное...

- А вот и я!

Девушка «по вызову» вышла из парилки, прикрывая грудь дубовым веником. Она стояла в коридорчике, соединявшем комнату отдыха с бассейном и душевой. Опустив веник, девушка игриво качнулась.

- Извини, забыл твое имя.

- Лойла.

- Иди ко мне, Лойла.

Я скинул простынь с бедер.

- Ого! - воскликнула девушка.

После парилки Лойла порозовела. Они все розовели после парилки - студентки из бедствующих семей, дурочки окрестных деревень.

- Вначале ты меня обласкаешь, Лойла.

Я наблюдал за собственным отражением в зеркальном потолке. Я лежал на спине. Мои волосатые ноги были расставлены и согнуты в коленях. Руки я заложил под голову, чтоб выгодно очертить мускулистый торс и толстенные бицепсы. Между ног, компактно сложившись пополам, лицом вниз и на коленях, бесшумно работала Лойла. И если б не ее темные волосы, которые в зеркальном потолке ритмично колыхались, можно было принять розовое тело девушки за ги-

гантский нарост в паху. Я угрюмо рассмеялся. Девушка оторвалась от работы, приподнялась, откинула с лица влажные волосы, вытерла ладонью натруженные губы.

- Что-то не так? - озабоченно спросила Лойла.

- Нет-нет, все чудесно! Продолжай!

Лойла продолжила. Продолжил и я - ковырять занозу в моем армейском прошлом.

Итак, я охранял Зону в таежном поселке Кужуч. Под влиянием Зоны, экстремальной среды обитания, я пережил экстремальное чувство к женщине. Я стал воспринимать реальность не так, как предписано человеку традициями, культурой, воспитанием. На некоторое время, благодаря чувству, я как бы вышел за пределы человеческого. Затем приехал отец и ошарашил новостью о болезни Сергея.

Два дня мы пили коньяк и бестолково рефлексировали. Юрий Солодин уезжал, начисто выпотрошив мой мозг. Мне вдруг так сильно захотелось секса – простого животного соития, - что я уже не парился по поводу каких-то там запредельных ощущений. Автобус с отцом еще не скрылся за поворотом, как я уже мчался к дому начальника зоны. Мне повезло - Лариса как раз возвращалась из магазина с сумкой продуктов. В заснеженном темном переулке, преградив ей путь, я страстно и путано объяснился. Вывалил все - и про наблюдения с вышки, и про космическую коммуникацию, и про остановленное время в момент соприкосновения наших рук. Тут же полез целоваться. Лариса не сопротивлялась.

В тот самый момент чувство и развеялось! Свалившись с заоблачных вершин в заснеженный переулочек, я обнаружил в своих объятиях обыкновенную земную женщину. Я долго целовал ее в засос, потом стал торопливо расстегивать пуговицы на ее дубленке. «Только не здесь!» - испугалась Лариса, и я поволок ее в гостиницу к остаткам отцовского коньяка. И больше не гудела магма под тонкой земной корой. Звезды потускли, уподобившись неряшливой россыпи конфетти. А ветер, дувший со стороны Зоны, ощутимо припахивал ингредиентами экзотической кухни.

- Все, Лойла. Хватит.

Девушка, чрезмерно увлекшись механической работой, меня не услышала. Стоя на коленях, она продолжала двигать головой – вверх-вниз, вверх-вниз, - напоминая неистового богомольца некоего дремучего культа. Ассоциация была настолько неприятной, что я непроизвольно дернулся, будто пытаюсь выскользнуть из пасти мистического кровососа.

- Эй, я сказал, хватит!

- Что? Что не так? - удивилась Лойла.

Я сел, обмотался простыней, жестом попросил Лойлу уйти. Парадоксальным в армейской истории было не только чувство, но и обратная реакция на него. Сержант Солодин как будто преступно «засветился» своей претензией на сверхчеловеческое, за что немедленно был наказан преобразованием в обыкновенного балбеса, каковым он стопроцентно являлся на гражданке. Пропало желание размышлять о Зо-

не, анализировать связанные с ней социальные феномены. Думать, вообще, расхотелось. Мозги заполнил один интерес – трахаться, трахаться, трахаться.

До весны я терзал Ларису, пока она не сбежала от слепней и гнуса к себе на родину. Потом связался с женой кинолога, затем была медсестра части. Позже я переключился на подруг и сестер зеков. Женщины, приезжая на «свиданки», останавливались все в той же гостинице, и каждая вторая надеялась пронести в зону запрещенные вещи. Некоторым из них я помогал – наиболее симпатичным и сексуально озабоченным. После дембеля, вернувшись в Кубанск, начал с одноклассницы Оли, через неделю продолжил с соседкой Надей с первого этажа. Вскоре я уже и имен не запоминал. В ночных клубах снимал богатеньких глупышек, в барах и ресторанах – демократичных простушек, на улицах и в парках – доверчивых лохушек. Все чаще, экономя время, пользовался услугами продажных девочек.

- Эй, Лойла!

- Да.

Девушка выглянула из предбанника, крепя к ушам громадные стеклянные клипсы.

- Как ты думаешь, Лойла, люди ближе к животным, или к ангелам?

- Люди?

- Да, люди.

- Ну, смотря к каким животным.

Она меня рассмешила, проигнорировав слово «ангелы». Меньше всего ее клиенты ассоциировались с какими-то там небесными существами. Скорее всего, Лойла различала их лишь по степени сходства с теми или иными зверушками. Учителя и доктора казались ей милыми псами, спесивые чиновники – кабанами и бегемотами. Военные напоминали медведей, уголовники – удавов. И, несомненно, такое представление о человеке было гораздо более объективным, чем знаменитое суждение об «образе и подобии божьем».

В спортивном клубе «Самсон» - за месяц до встречи с Анной - я переходил от одного снаряда к другому: что-то сосредоточенно дергал, поднимал, таскал. Вокруг - с видом скульпторов, замысливших шедевры - пыхтели молодые и не очень молодые мужчины. Мы ваяли бицепсы, трицепсы, мышцы живота, груди, ягодиц. В какой-то момент меня будто переключали, перенастраивали на смешливый саркастический лад. Я видел: мы качаемся не для битв и рукопашных схваток, как это практиковалось веками. Последние десятилетия богатырские подвиги совершались преимущественно в постелях, а потому схожесть с эрегированным фаллосом повсеместно поощрялась и даже способствовала деловому успеху. Подходя к настенным зеркалам, мы надувались и напрягались, картинно меняя позы, чтоб лишний раз удостовериться: мы – фаллосы. Мы – очень активные и боеспособные фаллосы!

В конце августа – за две недели до встречи с Анной – в

фирме «Порядок» отмечался день города. В конференц-зале был наскоро организован шведский стол с минимальным набором закусок и сногшибательным разнообразием элитного алкоголя. Руководители фирмы специально, время от времени, устраивали подобные «веселухи», чтоб пронюхать подчиненных в расслабленных состояниях. Булыга лично контролировал процедуру возвращения в первобытное естество, водя за собой по залу охранника с подносом бутылок. Пили за процветание города, за президента страны, за успехи фирмы, за здоровье начальства, за здоровье всех сотрудников, за мир во всем мире, за дружбу, за любовь, за то, чтоб бабки не кончались. Приглушили свет, врубили музыку, начали все плясать. И тут в зал с ликующим визгом ворвались стриптиз танцоры – пять мускулистых мальчиков в плавках и столько же фигуристых девочек в бикини. Смешавшись с толпой, они разнообразили наш праздник имитацией группового секса. Пародийно изображались минеты, гомосексуальные спариванья, изнасилованья, позы классические и экстремальные, шведские семьи и армянские паровозики. Я был в эпицентре этой «веселухи» - с хохотом кого-то лапал, тискал, зажимал. Я вновь себя ощущал крутым активным фаллосом.

В начале сентября – за неделю до встречи с Анной - у меня появилась нездоровая привычка постоянно мыть руки. Опосредованным виновником этого сдвига стал мой брат, приволокший домой подружку наркоманку. Как будто в на-

смешку над древним сакральным понятием, девушку звали Верой. Прежде чем проскользнуть в комнату Сергея, она в прихожей молча протянула мне для знакомства влажную холодную ладонь. Висевшая на ее костлявых бедрах джинсовая юбка наполовину при этом сползла, открыв полоску красных несвежих трусов. Стало ясно, насколько легко и часто Веру от этих трусов избавляли всевозможные грязные ублюдки, подобные моему брату. Мне показалось, я обменялся рукопожатием с ходячим вирусом СПИДа. Призрак апокалиптической пандемии уже бродил по миру, а великая сексуальная революция продолжалась, ускоряя мутации микроскопических убийц.

Одиннадцатое сентября началось суматошно. На одной из строек ветром свалило сорокаметровый кран. К счастью, обошлось без пострадавших, но возникли трения со страховой компанией, обвинившей фирму «Порядок» в нарушении правил эксплуатации. Мне пришлось вместе с Бульгой вначале разбираться с прорабом и крановщиком, затем - с бригадой монтажников, якобы что-то там неправильно установивших и прикрутивших. Срочно вызывали спецов, и те быстро установили, что правила эксплуатации не нарушались. Вновь встречались со страховщиками, и Бульга заставил меня бить бумажной папкой по голове их главного менеджера.

- Давай, Санек! Захерачь его еще разок! – орал Бульга. – Чтоб запомнил, падла!..

В офисе страховщиков на одном из рабочих столов работал телевизор. Шли новости, освещавшие, естественно, одну тему – годовщину Великого теракта. Цивилизованный мир скорбел, варвары – торжествовали. В тот момент, когда я заканчивал экзекуцию, как раз показали эпохальный кадр: самолет протаранил Башню. И тут я понял, что сочувствую варварам точно так, как всяким обреченным существам из Красной Книги. Сколько бы смертников не посылали моджахеды в наши города, все равно постмодернистская эпоха переварит и их. Скоро и мусульманские детки преобразятся в блудливых кроликов, начнут свергать авторитеты, нюхать и колоть наркоту, менять половую ориентацию и массово загибаться от СПИДа.

- О как надо! – с восторгом кричал Булыга, тыча пальцем в экран. – Вот как арабы трахнули америкосов, так и я вас, бля, трахну, если денег не заплатите! Ясно вам?

Главный менеджер сидел под столом, вытирая пальцами кровь с носа. Двое его помощников испуганно жались в углу. Булыга на выходе пнул ногой мусорную корзину, опрокинул на пол вешалку с куртками и кепками. Ожидавший нас на улице водитель распахнул перед Булыгой заднюю дверь золотистого «Ленд Крузера». Шеф, заползая на четвереньках в кабину внедорожника, продолжал весело куражиться:

- Все гондоны, все твари! Всем только бабки нужны! Хуеплеты! Пидоры поганые! Слишком много пидоров развелось. Согласен со мной, Санек?

- Согласен, Федор Андреевич. До хрена пидоров!

- И губернатор пидор, и все менты наши пидоры, и депутаты пидоры, и их избиратели поголовно пидоры! - Булыга звякал бутылками в выдвижном баре. - Только мы, сука, классные парни! Ты согласен со мной, Бэкхем?

- Да, Федор Андреевич, - отвечал водитель Гриша, бывший футболист, принятый на работу за внешнее сходство с английским звездным игроком. - Только мы и классные.

- Тогда – рванули, на хер!..

И мы, именно, рванули - как на гонках, с юзгом из под колес, рискованно подрезав пару каких-то колымаг. Одна из колымаг осмелилась просигналить, и Булыга в ответ показал кулак. Гриша поставил Шафутинского, шеф потребовал Новикова. Зазвучал Новиков. Булыга вспомнил про молодого президента. По-полной досталось и президенту, который у Булыги был «питерским шустрилой», то есть тоже «конечным мудилом». Мы с Бекхемом, демонстрируя единодушие с хозяином, ржали и поддакивали. Булыга в приступе смеха стал хрюкать и верещать. В конце концов, он громко выпустил газы, чем довел наше показное веселье уже до истерики.

К концу рабочего дня я был «никакой». Ехал домой по городу в тупом тоскливом раздражении. Служить «шестеркой» откровенному придурку – та еще была участь. В то же время, за полчаса до встречи с Анной, я нисколько не сомневался, что ничего лучшего мне и не светило - ни в Кубанске, ни в России, ни во всем хреновом мире. Все люди когда-либо

упирались в потолок личных и социальных возможностей. Стопроцентно выигрывал лишь тот, кто при этом не дергался бестолково, а принимал соответствующую позу и потихоньку с ней свыкался.

Загнав машину во двор, я хотел подняться в квартиру, но вовремя вспомнил о Сереже, который пару дней назад исчез с маминым обручальным кольцом. В любой момент брат мог явиться и спровоцировать меня и родителей на очередную семейную склоку.

За пять минут до встречи с Анной я вышел на перекресток Центральной и Чапаева. Разбухшие от недавнего дождя деревья были там и сям тронуты желтизной. Как всегда, лето кончилось неожиданно. Точно так же неожиданно завершились (свернулись) все многообещающие проекты по улучшению человеческой породы – буддийский, даосский, античный, христианский. Великие гуманисты как-то незаметно переродились в либертенов маркиза де Сада, фашистов, либералов, постмодернистов. Еще корчился в бессильных творческих потугах ислам. Лихо начинали мы, русские, с нашим ярким коммунизмом, но вместо нового человека почему-то получили на выхлопе новую разновидность быдла.

Нет, в потолок возможностей постоянно упирались вовсе не мы – конкретные Саша, Майклы, Абрамы, Раджаны. То, элементарно, в каждом из нас, используя наши тела, истерично дергался «гомо сапиенс», несчастный имплицитный Адам, пытаясь пробить потолок и закрепиться на следую-

щей эволюционной ступеньке. От беспросветного отчаянья он гнал нас в пустыни, леса, заставлял сидеть в бочках, висеть на крестах, замуровываться в кельях. Нашими руками он писал бесчисленные скрижали, строил храмы, музицировал, лепил скульптуры. Он толкал нас в космос, выгуливал по Луне, изобретал для нас интеллектуальные костыли – компьютеры, интернет. Вот только нам, конкретным Васям и Магомедам, все было по боку. Хоть из космоса, хоть из кельи мы бежали обратно в приматы, потому как не было на планете большего удовольствия, чем доминировать над существами противоположного пола и массово их осеменять. И я, Александр Солодин, уж точно был не из тех, кто собирался сопротивляться этой всесильной биологической предопределенности.

Невдалеке, у входа в книжный магазин, продрогшая на ветру блондинка продавала с лотка художественную макулатуру. Мордашка у продавщицы была так себе: нос кривоват, глаза бесцветные, пустые. Правда, волосы подкупали: их было гораздо больше, чем позволяла площадь недоразвитой головы. Никак не определялась величина груди под оранжевой курткой. Зато попка в туго облегающих брючках просилась наружу. Аппетитная попка.

Я вынул увесистый кошелек. Мой скороспелый план, как все интуитивное, был идиотски прост: купить все книги, что были на лотке, тут же раздать их прохожим, обмыть с продавщицей сделку в «Казачьем дворе». Шашлык, коньяк,

шансон. Коньяк, шансон, шашлык. Напоить, заболтать, незаметно уволочь в гостиничный номер.

Я начал движение от проезжей части. Мне предстояло пересечь тротуар и пройти шагов двадцать в сторону краеведческого музея. Боковым зрением я выхватил из потока прохожих некую женщину. Она двигалась прямо на меня. Чтоб избежать столкновения, я остановился, сделал шаг назад, мельком взглянул.

Было четкое ощущение повтора. Вновь, не сходя с места, я остановился. Вновь, не сдвинув взгляда, посмотрел. Улица разом поблекла и уменьшилась, настолько эффектно выглядела незнакомка. Я автоматически, в доли секунды, осознал все ее несомненные преимущества. Возраст – за двадцать, но не старше двадцати пяти: золотая середина между безбашенной девочкой и циничной бабой. Рост – под метр восемьдесят. Телосложение спортивное, с рельефной мускулатурой легкоатлетки. Походка – уверенная, размашистая, как на подиуме. Одета просто, но стильно: черные джинсы в обтяжку, водолазка коньячного цвета.

И вновь что-то непонятное произошло со временем и пространством: я как будто посмотрел на незнакомку в третий раз. Мое реальное восприятие перекрыла шокирующая иллюзия - навстречу шла Лариса. Не та глуповатая девчонка, любительница «Ласкового Мая» и черной икры с шампанским, а та божественная Лариса, которая лишь мерещилась, грезилась.

Незнакомка прошла мимо. Вероятно, ощутив мой взгляд, девушка опустила голову. Я смотрел ей в след и видел на ее шее изумрудный шарфик из тончайшей полупрозрачной ткани, короткие темные волосы над ним. Шарф, раздуваемый встречным ветром, развевался у нее за спиной подобно крыльям. Мне вдруг показалось, будто девушка взлетает.

- Ничего себе! – вслух ахнул я.

Огибая старушку с костылем, я левым плечом задел встречного прохожего: долговязый парень отлетел в сторону, уронив на тротуар портфель. Тут же мое правое плечо таранило в затылок коренастого гражданина в шляпе. Шляпа слетела, облысевший гражданин замахнулся зонтиком. Я проскользнул между женщиной и женщиной, разъединив бедром их сцепленные ладони. Незнакомка, не оглядываясь, ускорила шаг.

Глава 6.

- Саня, трубку возьми!

Аппарат находился где-то рядом, но Саша не мог разлепить глаза. Под веками образовалось сумрачное пространство, в котором он гнался и никак не мог догнать прекрасную незнакомку с изумрудными крыльями. Саша сделал усилие, болью пронзившее виски, и из сумрачного пространства переместился в родительскую квартиру, на бывший свой диван. Диван был разложен, но не застелен. Саша лежал на боку, в джинсах и свитере, подушкой ему служила скомканная куртка. Телефон продолжал звонить.

- Саня, трубку возьми, - жалобно просил Краснюк.

«Аннушка!..» - испугался Саша. Через мгновение он вспомнил, что Аннушка знала лишь номер его мобильного, а Саша еще вчера, сразу после посещения морга, его отключил. Но ведь существовали справочные службы, и Аннушка, промучившись всю ночь, могла, в конце концов, затребовать телефон родителей, зная их адрес и фамилию.

- Валера, слышишь?

- Да, Саня, говори.

- Где мой отец? Где моя машина? Как мы тут, вообще?..

- Дядя Юра уехал рано, машина твоя во дворе. Мы с Гариком вчера тебя затащили сюда. Ты, реально, вырубился...

За окном, наполовину задернутым прозрачными золоти-

стыми шторами, клубилось пасмурное небо. В обледеневшей верхушке туи вновь сновали и злобно чирикали воробьи. Саша, тяжело повернувшись на спину, вновь закрыл глаза. Его память, взбаламученная алкоголем, лихорадочно состыковывала фрагменты минувших суток: прощание с Аннушкой, милицейский обыск на мосту, пьяная мама, звонок из морга, посещение морга, расправа с Мэнсоном, игра в суицид на дороге...

Саша пощупал карман куртки – конверт с деньгами был на месте. Телефон между тем не умолкал.

- Саня, у меня башка треснет! Сними трубку, пожалуйста.

В отличие от Саши охранник фирмы «Порядок» был раздет. В коричневых носках и трусах он лежал на полу, на ватном «гостевом» матрасе. Его руки и ноги были разбросаны, глаза закрыты, широченная грудь с золотым массивным крестом неподвижна. Осторожно двинувшись, Саша вслепую дотянулся до аппарата, стоявшего на столе в полуметре от его головы.

- Саша, это ты? - скрипучий голос Ледовского перекрывался посторонними шумами. - Что у тебя с мобильником? Я никак не мог дозвониться. Тут Чекасов к нам приехал, у него какие-то проблемы.

- Какой Чекасов?

- Вчерашний следователь, который дело Сережи ведет. Сегодня - повторное вскрытие. Значит, похороны завтра. Я уже звонил на кладбище, чтоб место подыскали, но тут Чека-

сов новые факты обнаружил. Нагловатый, надо сказать, тип. Требуется кого-нибудь из родственников. Мы с Федором едем в банк - деньги выколачивать. Твой отец дежурит в больнице, сегодня должен Елену Сергеевну забрать домой. Так что Чекасова я направляю к тебе. Разберись, пожалуйста, с ним.

Положив трубку, Саша вновь провалился в сумрачное пространство. Вторично он проснулся от толчков в плечо. Над Сашей висела пьяная физиономия Валеры. Краснюк косил испуганным взглядом в сторону двери.

- Саня, к нам, по ходу, мент приперся, - шепотом сообщил Валера. - Видимо, это - за вчерашнее, за разборки с музыкантами. Что делать? Что говорить будем?

В дверном проеме возник Чекасов. Майор за прошедшую ночь ни капли не изменился. Он был так же хмур и так же недоволен морщился, оглядывая комнату. Он даже не побрился и не переделался.

- Странно, у вас входная дверь настежь, - сказал Чекасов. - Одевайтесь, собирайтесь, и вперед. Я вас на улице подожду. Только товарища своего оставьте.

- У-у-ух! - облегченно выдохнул Валера.

Даже оказавшись в машине Чекасов, Саша никак не мог проснуться. Он понимал, что они едут по улице Индустриальной в сторону центра. Дворник елозил по стеклу, стирая грязевую морось. Морось летела из-под колес. Конечно, она летела из-под колес. В то же время Саша ясно видел, что грязевая морось сыпалась с неба. Небо сочилось грязью?..

- У вашего брата в этом районе были друзья?

- Друзья?

- Да, обычные друзья, кенты, корефаны.

Чекасов свернул в узкий проулок и тут же затормозил.

Прямо перед носом его белой «семерки» стоял мальчик лет трех-четырех, одетый во что-то несусветно грязное. Зажав в руке хворостину, ребенок сосредоточенно лупил ею по земле. Слева от дороги, у покосившегося дощатого забора, оживленно беседовали две престарелые дамы в потрепанных куртках. Во всех дворах переулка - тесных и захламленных - болтались на ветру гирлянды белья.

Чекасов коротко посигналил. Ребенок, словно глухонемой, никак не отреагировал. Женщины продолжали разговор. Следователь снова нажал на сигнал. Одна из женщин, не глядя на машину, лениво двинулась к мальчику. Она схватила его за ухо и поволокла с дороги. Ребенок молчал и не сопротивлялся.

- Вырожденцы! – брезгливо произнес Чекасов. – Чернушки - плохой район.

- Плохой, - хрипло подтвердил Саша.

- Вы не ответили мне. Так были ли у вашего брата в этом районе друзья?

- Возможно.

- А точнее?

- Вполне вероятно.

- Что вполне? Что вероятно? - недовольно воскликнул

следователь. – Мне – что? - каждое слово клещами из вас надо вытаскивать?

- А что вы хотите вытащить?

- Информацию! - рявкнул Чекасов. - Мне поручили провальное дело и требуют немедленной его раскрутки. Из управления звонят, из мэрии, из краевой администрации!..

Правая рука Саши вдруг дернулась. Она сорвалась с колена и гулко ударилась в крышу машины. Чекасов испуганно покосился, но ничего не сказал. Саша глубоко и шумно вздохнул. Ночной коктейль из несовместимых алкогольных напитков просился наружу. Но гораздо больше Сашу напрягало то, что происходило в его голове. Ему чудились голоса, музыка, он различал отдельные слова и фразы, произнесенные знакомыми и незнакомыми людьми. Мелькали лица, сцены. Одно за другим в его похмельном мозгу вспыхивали видения, некогда запечатленные или воображенные: морские пляжи, гроза в степи, праздничные шествия.

- Куда мы едем? - спросил Саша.

- Я же объяснял! - удивленно воскликнул Чекасов.

- Куда мы едем?

- Ну, даешь! - усмехнулсяследователь, переходя на "ты".

- Я вижу, ты чуток перебрал? Горе заливал, да? Хорошо, я повторюсь, мне не трудно. Мы едем туда, где твой брат... как бы это выразиться... провел последние дни.

- Не понял.

- Я тоже перестал кое-что понимать. Вы меня вчера убеж-

дали, что Сергей Солодин был наркоманом.

- Ну!

- Сегодня утром я заново ознакомился с результатами экспертизы на содержание наркотических веществ в крови твоего брата. Ничего не обнаружено. Я еще раз труп осмотрел. Есть шрамы - дорожки от уколов на руках и ногах, - но это старые шрамы. Короче, твой брат в свои последние дни ничего не глотал и не кололся.

- Ну, и что это значит?

- Это не все. На запястьях и лодыжках трупа - зарубцевавшиеся следы, вроде как твоего брата держали в кандалах и наручниках. Врубается? Его как бы в плену держали, или пытали. Что ты на это скажешь?

- Бред какой-то.

- И это еще не все. Мы, кстати, уже приехали. Видишь хибару? Окошко с зеленой занавеской видишь? Здесь живет девушка, Ольга Гурнова. Ты знаешь Ольгу Гурнову?

- Нет.

- Вчера эта женщина обратилась к своему участковому по поводу пропажи человека. Да-да, по поводу пропажи Сергея Юрьевича Солодина. Оказывается, твой брат почти три месяца жил у нее. С двенадцатого сентября по девятое декабря. Вечером девятого декабря он ушел и больше не вернулся. А десятого, утром, его нашли в трехстах метрах отсюда с проломленным черепом.

- Ну.

- Что «ну»? - вскипел Чекасов. - Я говорю, что твой брат здесь жил! Я соседей опросил. Он изредка во двор выходил, чтоб воздухом подышать. Ни с кем не разговаривал, в небо подолгу смотрел.

- Не понял.

- Слушай, ты меня раздражаешь!

Чекасов заглушил мотор и открыл дверцу: дорога кончилась, машина уперлась носом в кучу битого кирпича, за которой продолжалось пространство разрушенных домов. Много лет назад здесь остановилась стройка. Облепленный лачугами берег должен был превратиться в ослепительную набережную с ресторанами, магазинами, танцевальными площадками. Страна собиралась жить долго и весело, но ее отрезвил очередной кризис. Свежий воздух, настоящий на декабрьской воде, наполнил салон. Саша ясно уловил чей-то плач, тонкий и надрывный.

- Это она воет, - хмуро пояснил Чекасов. Он вынул сигареты, закурил. - Ей уже сообщили о смерти твоего брата. С тех пор она и воет. Час назад я пытался выяснить у нее подробности. Во-первых, почему она только вчера обратилась к участковому по поводу пропажи твоего брата. Чем он здесь, вообще, занимался, с кем контактировал. Но бесполезно. Судя по всему, что-то у нее с головой не так. Какую-то чушь про Бога, бесов городила. Вот я и подумал: привезу кого-нибудь из родственников. Может, она разговорится, в смысле, по-человечески заговорит. Понимаешь меня?

- Понимаю, - неуверенно произнес Саша.

- Так давай, смелей!

Чекасов махнул рукой в сторону окна с зеленой занавеской. Занавеска колыхнулась, плач резко прервался. Показалось, в тот миг прибавилось ветра. Деревья качнулись. Бледные отражения ветвей заскользили по стеклам машины, парадоксально расслаивая фокус зрения. Саша видел собственную ногу в черном сапоге: она бесконечно долго опускалась на мерзлую грязь. Так же долго выползала из кабины вторая нога. Вслед за ней двинулось туловище. Оно никак не могло оторваться от сиденья. Дом с зеленой занавеской как будто отделился. Его черепичная крыша, поросшая мхом, мелькала в шатких ветвях, и, чудилось, шатался сам дом. Он был последним в этом безобразном переулке. От развалин былых жилищ его отделяла наполовину уцелевшая стена с обрывками выцветших обоев. Но пока Саша шел к этому месту, с усилием преодолевая неожиданную слабость, менялось его представление о началах и концах. Вначале были развалины. Все росло из развалин. Вся жизнь была лишь тончайшим слоем плесени на бесконечных и грандиозных развалинах бытия.

Входная калитка оказалась сорванной и косо висела на деревянном столбе. Саша оглянулся. Майор жестами подбадривал его.

- В крайнюю дверь стучи, - крикнул следователь.

Саша прикоснулся рукой к двери, утепленной коричне-

вым кождаменителем. Встречное движение заставило его вздрогнуть и отдернуть пальцы. Он невольно сделал шаг назад. Показалась голова, плотно обтянутая черной косынкой. Лицо - серое, безбровое, с голубоватыми крыльями вздернутого носа. Цвет глаз - водянистый.

- Что вам надо? - едва слышно, разбухшим от слез голосом спросила женщина.

- Я это... Я брат Сергея Солодина.

- Вы - Александр?

Интонация ее возгласа была таковой, точно она знала про Сашу нечто ужасное. Соответственно изменилось и выражение ее лица: маску отрешенной скорби перекосило толи страхом, толи гневом. Женщина, странно всхлипнув, отшатнулась. Она закрыла лицо худыми ручонками, словно защищаясь от роя злобных насекомых.

- Вы чего? – успел спросить Саша.

Дверь резко захлопнулась. Потом дважды щелкнули замки. Саша топтался на пороге. Его пьяный мозг требовал продолжения. Ворваться в дом? Женщину поймать и пытаться? Какого она хрена?..

Саша водил пальцами по обивке двери, напоминавшей шкуру мертвой рептилии. Он отодрал несколько чешуек, одну из них зачем-то понюхал.

- Да, коротким оказался разговор, - озадаченно произнес Чекасов, как только Саша сел обратно в машину. – Явно нездоровая дама! Работает санитаркой в краевой больнице.

Соседи говорят, не ради денег, потому как платят копейки, а по убеждению. Дали ей прозвище «Монашка». Бабе двадцать лет, самое время трахаться, а она в дерьме возится. Ты, точно, раньше с ней не виделся?

- Не виделся, точно.

- Ты сообщил ей, что ты брат Сергея?

- Да, сообщил.

- А что она? Хоть что-то сказала?

- Нет, дверь захлопнула, и все.

- Выходит, не захотела общаться с родственником. И на мои вопросы отказалась отвечать. «Вы, - говорит, - так устроены, что любое слово, попадая в вас, становится ложью».

Чекасов держал ладони на руле. На рукаве его свитера Саша увидел короткие белые шерстинки.

- У вас - белая собака? - спросил Саша.

- У меня белая собака?

Чекасов медленно повернулся к Саше. Сиденье скрипнуло. Одновременно в лобовое стекло ударил ветер с мелким снегом. В глубине двора что-то хлопнуло, заскрежетало. Машина покачнулась. Чекасов убрал ладони с руля, вновь вынул сигарету. Он долго и старательно ее разминал.

- Волос у вас на свитере. Белый, - пояснил Саша. - Значит, у вас собака.

- Вижу, напрасно тебя разбудил, - сказал Чекасов, щелкнув зажигалкой. - Нет у меня белой собаки. Зато есть соба-

чья работа! Зато есть сучья жизнь! Сам скоро стану, как пес!

Насколько осторожно майор управлял машиной, спускаясь в переулок, настолько же безжалостно он обошелся с нею, выезжая обратно. Пару раз они проваливались в ямы, буксовали. Чекасов ворочал ручкой скоростей так, будто хотел вырвать ее с корнем. Саша тупо смотрел в окно на гнилые дома, разбитые заборы, кучи мусора во дворах и задубевшее тряпье на бельевых веревках. Как Сергей оказался здесь? Он жил с этой безумной женщиной? Он спал с нею? Они вместе давили тараканов, гоняли крыс?

- Так, парень... забыл, как тебя зовут, - оборвал следователь ход мыслей Саши.

- Александр.

- Ага, Александр. Звони прямо сейчас своему шефу. Пусть дела отложит. Чекасов хочет с ним поговорить, у Чекасова есть конкретное предложение.

Следователь остановил машину рядом с продовольственным магазином. Сигаретный дым стал медленно вытесняться ароматом свежеиспеченного хлеба. Майор полез в карман, вынул комочек мелких купюр, затем из другого кармана извлек горсть мелочи. Он сидел и считал монеты, беззвучно шевеля обветренными губами.

Включив мобильник, Саша вновь с тревогой подумал о возможном звонке Аннушки. Экран аппарата сообщил ему о десятке не принятых вызовов. Их большая часть принадлежала любимой. Как можно быстрее Саша высветил номер

Игоря Максимовича. Гендиректор находился в здании банка. Булыга «наезжал» на банкиров.

- Он сегодня не в духе, - предупредил Ледовский, - банк не дает наличку. Ты знаешь, что бывает с Федей, когда он не может получить собственных денег.

Саша знал, что бывало с Булыгой в подобных случаях. Федор Андреевич вторую неделю лихорадочно скирдовал деньги, чтоб обеспечить прохождение «проекта века» через все инстанции. Была твердая договоренность (на самом высоком уровне), что город выделит на реконструкцию Центра два миллиарда. Но вмешались «плуги» (так Булыга называл представителей местной олигархии). «Плуги» требовали в первую очередь «выдоить» бюджет на модернизацию мелиоративной системы, мылясь опять выращивать рис. Федор Андреевич как-то договорился с главными «плугами», но те запросили чрезвычайно высокую цену и попросили наличку. В трубке слышался лай Булыги, обещавшего банкирам «скорую ментовскую проверку».

- Игорь Максимович, тут тоже проблема, - сказал Саша.

«Проблемный» Чекасов вышел из магазина с булкой хлеба и литровой пачкой молока.

- Я должен позавтракать, - угрюмо буркнул майор, садясь в машину.

Он надорвал пакет и жадно к нему присосался. Молоко шумно полилось в страждущую глотку. Затем, оторвавшись от пакета и ахнув, Чекасов с яростью стал вгрызаться в булку.

Зубы его поскрипывали, ноздри, широко раздуваясь, сопели.
- Считаю, что встречу откладывать нельзя, - сказал Саша.
- Во-во! - подтвердил Чекасов, роняя изо рта хлебные крошки.

- Хорошо, - согласился Игорь Максимович. - Я поговорю с Федором. Ждите нас в офисе.

После завтрака Чекасов подобрел. По дороге в офис он рассказал Саше пару бородатых анекдотов. Следовательно будто забыл, что разговаривает с человеком, родной брат которого лежал в морге. В офисе он и вовсе разошелся: бодро, вприпрыжку, ходил по кабинетам, шутливо приставал к женщинам. Морщины сошли с его лица, глаза посветлели. Когда Саша предложил ему присесть на мягкий диван в холле и отдохнуть, Чекасов заносчиво ответил, что он сделан из железа и в отдыхе не нуждается.

Саша, избавившись от майора, заперся в маленьком туалете на втором этаже. Наклонившись над раковиной, он все плескал и плескал в лицо холодную воду. Алкоголь еще сильней расслоил его психику. Какой-то фрагмент Саши звал обратно к Анне. Второй фрагмент призывал срочно бежать из города, на Север или Дальний Восток – в шахтеры, в матросы, в буровики. Третий фрагмент доказывал, что дергаться бессмысленно, а надо, просто, терпеливо переждать, когда всё само собой утрясется. Поверх этой разноголосицы все четче проявлялся позыв самостоятельно разобраться, что произошло с Сергеем до того, как он оказался в морге.

Почему так сильно изменилась его внешность? Что означали следы наручников на его запястьях? Зацепкой в этом разбирательстве могла стать странная девушка Ольга Гурнова. Ее лицо показалось Саше знакомым...

В коридоре раздались быстрые шаги, затем испуганно крикнула женщина: «Хозяин едет!» Эта фраза эхом прокатилась по всем кабинетам. Охранники выпрямились и приосанились. Секретарши порозовели и сдвинули коленки. Похолодело в животах бухгалтеров. Хозяин явился! На черном «Мерседесе», в черном костюме, с черным портфелем. Глаза от злости остекленели. Саша поспешно вынул носовой платок, - тщательно вытерся, несколько раз глубоко вздохнул: «Спокойно, Саня, спокойно! Ты выдержишь, ты сумеешь».

По давней традиции хозяина встречали в холле. На улице стало светлей, облака истончились. Голубой кафельный пол мерцал, как гладь горного озера. Саше померещилась стая темных рыб, величаво проплывшая под ногами Чекасова. Майор стоял в сторонке, заинтересованно щупая листья искусственного дерева. Он ехидно ухмылялся. Видимо, служаку забавлял тот казарменный трепет, с каким гражданские, то есть, по сути, свободные люди встречали своего начальника.

Федор Андреевич вошел первым, наклонив голову к правому плечу. Это был первый признак того, что шеф раздражен. Левый глаз Булыги сильно косил, что являлось уже симптомом бешенства. Косящим глазом хозяин провел по

охраннику, скользнул по Чекасову и уткнулся в юриста, отвечавшего за связи с банками. Булыга остановился. Остановились люди, шедшие за ним: Игорь Максимович, шофер, секретари, прочие шестерки. Юрист фирмы – тридцатилетний брутальный красавец, клиент дорогих бутиков и парикмахерских – как-то разом сник, скукожился. В холле повисла тишина. Булыга, широко расставив слоновьи ноги, неторопливыми движениями расстегнул пальто, выпятил живот, пару раз ударил в него кулаками, будто проверяя вместимость для предстоящего кровожадного пиршества.

- Ну, и что с тобой делать? - вкрадчиво поинтересовался Фёдор Андреевич.

- А я при чем? - криво улыбнулся юрист. – Реально, современные банки все так сейчас работают. Минимум налички...

- Ты, мудило!.. - Булыга споткнулся, подбирая слова. - Ты, гондон дырявый! - голос шефа набирал силу. – Ты уволен на хер! И на хер отсюда пошел, пока я тебя, блядина, не урыл, сука, пидор вонючий.

- Но я... - растерянно промямлил юрист. – Я...

- Убуй нахуй! - завопил Булыга, топая ногами. – Чтоб я тебя, козла драного, не видел больше! Уберите его отсюда. Немедленно! Здесь пахнет говном!

Ледовский сделал знак охраннику. Тот, клацая гигантскими ботинками, подошел к юристу, мощной пятерней схватил его за ворот пиджака и поволол к выходу.

- Что вы делаете? Как вы смеете? - бормотал юрист.

Парень, выписанный из Москвы, у Булыги работал недавно. Он не знал, что в фирме «Порядок» с работы никого не увольняли. Из фирмы «Порядок» выгоняли. Выгоняли в одну секунду, не дав одеться и собрать вещи с рабочего стола (вещи и одежду выносили потом уборщицы). Охранник, вытащив юриста наружу, оттолкнул его от себя и сильно ударил ногой под зад.

- Так будет с каждым, кто не умеет работать! - свирепо пророкотал Булыга.

- Круто! - одобрительно воскликнул Чекасов.

По мере продвижения к кабинету Булыги свита редела. Охранники остались на первом этаже, секретари и бухгалтера на втором. На третий этаж вместе с шефом поднялись Саша, Чекасов и Игорь Максимович. Их встречала Люда, миниатюрная кудрявая блондинка в облегающем красном платье, выполняющая в кабинете Булыги обязанности официантки и наблюдающей медсестры. Недавняя выпускница медицинского колледжа стояла у стены с подносом, на котором соблазнительно поблескивали бутылка и хрустальные рюмочки, наполненные коньяком.

- Приложимся, - коротко скомандовал Булыга.

Приложились он и Саша. Федор Андреевич махом опрокинул три рюмки подряд, Саша не отставал. Люда едва успевала наливать. Лучезарно улыбаясь, она после каждой выпитой рюмки ласково произносила: «На здоровьишко».

- Что за проблемы, майор? - спросил Булыга, кладя в рот

дольку лимона. – Я так понимаю, что убийцу вы еще не нашли?

- Может, в кабинет пройдем? - деловито произнес Чекасов.

- А это и есть мой кабинет. Весь этаж - мой кабинет. Захочу, всех домой отправлю, и кабинетом станет все здание.

- Хозяин-барин, - усмехнулся Чекасов.

- Ближе к делу. Вы подумали над нашим предложением?

- Да, и я согласен.

- Отлично, - сказал Булыга. Он достал платок и стал аккуратно вытирать им губы и складки подбородка. - Действуйте, майор. Вы выполняете свою часть сделки, я - свою. Как насчет коньяка? Коньяк настоящий, французский.

- Спасибо, я молока напился. Тут вот какое дело... - Чекасов замаялся. Он взглядом и бровями указал Булыге на Люду, как на ненужную свидетельницу разговора.

- Да бросьте, майор! - весело воскликнул Федор Андреевич. – Это же мой ангел-хранитель! Ангелы не врубаются в людские терки. Люда, скажи следователю, что у тебя в голове?

- Облака, радуга и божественная музыка, - певуче отозвалась девушка.

- Видите, майор, какие у меня юморные работники! - Булыга потянулся, хрустнул суставами. - Я доверяю своим сотрудникам, майор. Кем они станут без меня? Мусором. Бунт и предательство в моем хозяйстве не пройдут!

- Черт с вами! - Чекасов нервно одернул полы своей облезшей куртки. - Короче, деньги нужны сейчас! И не миллион, а три ляма! Тут такое дело: есть реальная улика. Брать какого-то торчка и грубо выбивать показания я не буду, не мой это стиль. А вот с этой реальной уликой я мог бы быстро отыскать настоящего убийцу. При осмотре трупа Сергея Солодина в пальцах его правой руки был обнаружен зажатый клочок волос. Точнее, не клочок, а несколько волосинок. Пять волосинок, кажется, если мне память не изменяет. Мы полагаем, что это волосы убийцы. Вы понимаете?

- Саша, Игорь, вы понимаете? - спросил Булыга.

Игорь Максимович пожал плечами. Саша был слишком пьян, чтоб хоть как-то отреагировать. Вся его воля была направлена на то, чтоб не упасть и не заснуть прямо здесь же, на пестром ковровом покрытии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.